

Летопись с цитатами

События семьи Рерихов при прохождении Еленой Ивановной этапов Огненного Опыта и работы над книгами Учения Живой Этики

В марте — декабре 1920 г. Е.И. Рерих сделала начальные записи в тетради Бесед. Первая запись датирована **24 марта 1920 г.** и вошла в книгу «Листы Сада Мории. Книга первая» — «Зов». Последняя запись для этой книги была сделана **28 апреля 1923 г.** [1, тетради 1-3]

1 октября 1920 г. семья Рерихов прибыла из Лондона в Нью-Йорк. В Лондоне, в галереях Гупил и Уортинга, проходила выставка картин Н.К. Рериха. В Америку его пригласил директор Чикагского института искусств для проведения выставок в тридцати городах США. Первая выставка открылась в **декабре 1920 г.** в галерее Кингора в Нью-Йорке.

«В Англии русским нелегко было получить визу в Индию, но семье Рерихов и мне, как секретарю, визы, в конце концов, были выданы 28 июня 1920 года. Радость была великая, но, как часто бывает в жизни, человек полагает, а судьба располагает. Так и тут! Николай Константинович получил приглашение директора Чикагского института искусств посетить Америку и устроить выставки в тридцати городах Соединённых Штатов». [2, книга 10, с. 80. Из воспоминаний В.А. Шибаяева]

«1 октября, утром, мы стали подъезжать к New York'у». [2, книга 10, с. 90. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибаяеву, 17.10.1920]

«В 1920 году Николай Константинович, его жена Елена Ивановна и их два сына, Юрий и Святослав, прибыли в Нью-Йорк. Первая выставка Николая Константиновича открылась в декабре того же года в галерее Кингора — одной из лучших в городе, на ней было показано около 115 картин, привезённых художником». [2, книга 10, с. 103. Из дневника З.Г. Фосдик]

5 января — 30 мая 1921 г. Проведены тринадцать коллективных сеансов взаимодействия с Учителем, на которых присутствовали Рерихи, Муромцевы, Шуберты, Лихтманы, Зак, Торецкая. Записана тетрадь «Общие сеансы».

Общие сеансы: I. 5 января 1921 г.; II. 12 января 1921 г.; III. 19 января 1921 г.; IV. 26 января 1921 г.; V. 2 февраля 1921 г.; VI. 9 февраля 1921 г.; VII. 9 февраля 1921 г.; VIII. 19 февраля 1921 г.; IX. 26 февраля 1921 г.; X. Март 1921 г.; XI. Март 1921 г.; XII. 19 марта 1921 г.; XIII. Ночь с 29 на 30 мая 1921 г. [1, тетрадь 1]

«22.01.1921. Я так мечтала провести это лето всей семьёй вместе. Руководителей по этому вопросу мы ещё не спрашивали. Они теперь очень против частых сидений, зато большой сеанс приобретает всё больше и больше интереса и серьёзности. Они почти прекратили отвечать на вопросы и дают целый ряд сообщений, очень интересных.

Настаивают на ведении протокола. Всё время взывают к сосредоточению и к серьёзности. Я попрошу Сану дать мне списать её записи и перешлю тебе». [2, книга 10, с. 107. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

12 апреля 1921 г. в вагоне поезда, идущего в Чикаго, Н.К. Рериху была дана поэма «Наставление Ловцу, входящему в лес». В Чикаго открылась выставка картин Николая Константиновича, где ему были также заказаны декорации к опере Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда». Он вернулся в Нью-Йорк **6 мая 1921 г.**

«12.04.1921. Н.К. Рерих уезжал в Чикаго на открытие выставки... В вагоне на пути в Чикаго была дана поэма “Наставление Ловцу, входящему в лес”». [3, т. 1, с. 55]

«07.05.1921. Милый мой мальчик, вчера вернулся Пасик — Чикагская опера заказала папе на будущий год “Тристана и Изольду”». [2, книга 10, с. 141. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

13 августа 1921 г. семья Рерихов уехала из Нью-Йорка в Санта-Фе, штат Нью-Мексико. Прибыли туда **17 августа.**

5 сентября Николай Константинович уехал в Сан-Франциско на открытие выставки и вернулся **29 сентября.**

13 октября отбыли из Санта-Фе, посетив с **15 по 24 октября** Чикаго. В Нью-Йорк вернулись **26 октября 1921 г.**

«03.07.1921. Зовём вас в горы N[ew] Mexico [Нью-Мексико]. Уру[свати], чую, через 40 дней поедешь в M[exico]». [3, т. 1, с. 138]

«13.08.1921. Счастливого пути». [3, т. 1, с. 169]

«17 августа 1921, вечер, Санта-Фе». [3, т. 1, с. 170]

«05.09.1921. День отъезда Н. Рериха [в Сан-Франциско]... Ручаюсь за успех выставки». [3, т. 1, с. 191]

«29 сентября 1921, утро, Santa Fe [Санта-Фе]». [3, т. 1, с. 192]

«13.10.1921. Мои родные, поезжайте — всё хорошо». [3, т. 1, с. 210]

«15 октября 1921, вечер, Чикаго». [3, т. 1, с. 210]

«24.10.1921. Поезжайте». [3, т. 1, с. 217]

«26 октября 1921, утро, Нью-Йорк». [3, т. 1, с. 218]

11 октября 1921 г. Е.И. Рерих получила нерукотворный портрет М.М. — Великого Владыки. Она отметила поразительное сходство портрета с обликом Мастера в Лондоне в марте **1920 г.**

«11.10.1921. Утром Н. Рерих получил по почте обещанное Мастером письмо.

Е. Р[ерих] получила обещан[ный] нерукотворный портрет Мастера Мории, причём сходство портрета с Обликом Мастера в Лондоне поразительно!» [3, т. 1, с. 206]

11 декабря 1921 г. Н.К. Рерих уехал из Нью-Йорка в Чикаго. Ему были заказаны декорации и эскизы костюмов к опере Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Он вернулся в Нью-Йорк **23 декабря 1921 г.**

«11.12.1921. Н.К. Р[ерих] уехал в Чикаго». [3, т. 2, с. 41]

«23.12.1921. — Когда без усталости, пусть Минг говорит, и Я столом буду подтверждать...

24.12.1921. Вопр[ос] Н.К. [Рериха], мог бы он начать говор[ить], как было указано М.М.

— Смутно на душе». [3, т. 2, с. 42]

6 июля 1922 г. Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихи отбыли из Нью-Йорка на остров Монхеган, штат Мэн. Прибыли туда **8 июля**.

7 августа Ю.Н. Рерих, покинув Монхеган, прибыл в Плимут (Великобритания), направляясь в Париж.

9 сентября Рерихи уехали с Монхегана и **11 сентября 1922 г.** вернулись в Нью-Йорк.

«01.07.1922. Чую, надо ехать на остров. Можете считать удачу среди скал Атлантиды». [3, т. 2, с. 244]

«06.07.1922. Ехать надо, считаю, на пароходе». [3, т. 2, с. 248]

«8 июля 1922, вечер, Монhegan [Монхеган]». [3, т.2, с. 250]

«07.08.1922. Юрик уже в Париже... Светик... Сегодня мы его ждём из Нью-Йорка». [2, книга 10, с. 261. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«09.09.1922. Поезжайте с Богом, Мои любимые!» [3, т.3, с. 79]

«11 сентября 1922, New York [Нью-Йорк]». [3, т.3, с. 82]

14 сентября — 2 декабря 1922 г. Записана тетрадь коллективных сеансов «Вечера в школе». Содержит записи, выполненные способом автоматического письма членами эзотерического Круга: Порумой, Одомаром, Модрой — на английском языке, Ояной — на немецком языке; Н.К. Рерихом — на русском языке. В частности, в эту тетрадь переписано принятое Н.К. Рерихом троекнижие: «Книга о Жертве», «Книга о Радости», «Книга о Молитве». [1, тетрадь 2]

Члены американского Круга:

1) Грант Франсис (Модра, Рамо): 18.11.1896 — 21.7.1993, журналистка, лектор, общественный деятель;

2) Фосдик (по первому браку Лихтман) Зинаида Григорьевна (Радна): 13.11.1889 — 16.7.1983, пианистка, искусствовед, педагог;

3) Лихтман Морис Моисеевич (Авирах): 13.12.1887 — 25.8.1948, пианист, педагог;

4) Лихтман Эстер (Ояна, Иента, после предательства в 1935 г. — Белокурая): 26.2.1892 — 17.7.1990, преподаватель музыки, сестра Мориса Лихтмана;

5) Хорш (Леви) Луис (Логван, Одомар, после предательства в 1935 г. — Леви): 1889 — 1979, бизнесмен.

6) Хорш (Леви) Нетти (Порума, после предательства в 1935 г. — Чёрная предательница): 1896/97 — 1991, жена Луиса Хорша;

7) Шафран Софья Михайловна (Смотрящая): 1871 — 2.1.1954, мать З.Г. Фосдик.

«13.10.1922. Нужно завтра собраться. Пусть Рерих диктует им увиденное завтра. Напишу перед ним — так меньше энергии берёт. Надо пристально смотреть, закрыв глаза. Урусвати знает, как бывает». [3, т.3, с. 121]

«14.10.1922. Продикт[овано] Н. Р[ерихом] видим[ое] духовн[ым] зрением». [3, т.3, с. 122]

«17.10.1922. В субботу [14 октября — ред.], во время нашего обычного собрания, наш Пасик не писал, а говорил или, вернее, диктовал то, что проходило написанным перед его глазами. Это было первый раз, что он мог так видеть. Найдя время, спишу тебе все сообщения — они очень красивы». [2, книга 10, с. 293. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«30.10.1922. На общих сеансах я не пишу больше, а читаю, что вижу: крупные буквы (рукописные) по блестящему, золотистому фону». [2, книга 10, с. 308. Из письма Н.К. Рериха Ю.Н. Рериху]

6 — 11 октября 1922 г. Болезнь Н.К. Рериха, переезд на другую квартиру.

«06.10.1922. Болезнь Н[иколая] К[онстантиновича], переезд на квартиру 250 W[est] 82 S[treet].

Уже предупреждал о здоровье. Сегодня спас от воспаления лёгких. Примите меры спокойя». [1, тетрадь 2, разворот 74]

19 октября 1922 г. Н.К. Рерих уехал в Чикаго по делам оперы и декораций для театра. Вернулся **24 октября 1922 г.**

«19.10.1922. Отъезд Н. Р[ериха] в Чикаго». [3, т.3, с. 132]

«24.10.1922. Н. Р[ерих] верн[улся] из Чикаго». [3, т.3, с. 132]

10 ноября 1922 г. Н.К. Рерих уехал в Чикаго на премьеру оперы «Снегурочка», для которой создал декорации и эскизы костюмов. Вернулся **18 ноября 1922 г.**

«11.11.1922. Папа вчера выехал в Чикаго на первое представление “Снегурочки” — пробудет там до конца будущей недели, т.е. до 19-го ноября». [2, книга 10, с. 324. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«18.11.1922. Хорши, Ента, Нуця и я были сегодня у Рерихов. Н.К. только что приехал из Чикаго». [2, книга 10, с. 332. Из дневника З.Г. Фосдик]

25 ноября 1922 г. получена весть из Парижа о помолвке Юрия с Марсель Манциарли. Свадьба в итоге не состоялась.

«17.10.1922. Провожу время в бурной деятельности и всё время работаю для Мастера. На днях мы начали с И[рмой] В[ладимировной] Манциарли новый русский перевод Бхагават-Гиты. Работаем над ним усердно, почти каждый день. Работа эта меня очень радует, ибо с И.В. так легко и хорошо работать...

У И.В. чувствую себя, как дома, ибо у них царит та же атмосфера, что и у нас. Я теперь ясно чувствую ту группу, через которую будет идти воля М.М.» [2, книга 10, с. 295. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«23.10.1922. Одна из дочерей И.В., Маркелла Степановна, является очень крупным композитором. Её вещи очень интересны, а главное, имеют то оккультное нечто, что так сильно замечается в Скрябине». [2, книга 10, с. 299. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«30.10.1922. Я бываю на rue La Fontaine [улице Ла Фонтен] каждый день. Мило работаем над Гитой. Начали также очень успешно писать автоматически. Были даны замечательные указания И.В. и Маре Степановне (одной из дочерей И.В., о которой я Вам писал)». [2, книга 10, с. 309. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«06.11.1922. У нас происходит что-то замечательное. Пишем автоматически, видим видения и т. д. Перед началом писания часто видим, как атмосфера наполняется голубыми звёздами и шарами». [2, книга 10, с. 318. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«09.11.1922. Хотелось бы больше Вам рассказать о Манциарли. Всё, что с ними у меня происходит, весьма замечательно. Вы знаете, как я трудно сближаюсь с людьми, как мне с ними скучно и тяжело. Но у Ирм[ы] Влад[имировны] я не только чувствую себя дома, но искренно привязался к ним всем. Тем более что они так все почитают Папу. Словом, у нас общие вкусы, взгляды, идеи.

Меня, медведя, любящего свою берлогу и одиночество, начинают приручать. И я так рад, что здесь, на чужбине, нашёл людей, которые походят на нас и будто вылиты из одного куска стали». [2, книга 10, с. 322. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«13.11.1922. Третья дочь, Мара, гораздо глубже и лучше понимает всё громадное значение М.М. и Его дела. Последнее время я с нею имел длительные беседы, и выяснилось, что мы до чрезвычайности похожи друг на друга в нашем духовном мире. Просто поражаюсь! Моё собственное Его в юбке!..

В нашей группе устанавливается сильнейший духовный контакт. Если мы день не видимся, то знаем, что другой чувствует, а также чувствуем присутствие другого. Это очень занимательно...

Кстати, мне здесь пришлось состариться на год, так что мне 21 теперь. Это смешно и глупо, но это необходимо для работы, а то считают слишком молодым. Так что прошу [Вас] никому о моих истинных годах не говорить, а то выйдет путаница, даже Манциарли». [2, книга 10, с. 327. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«17.11.1922. Быть может, это письмо Вас потрясёт и удивит. Tant pis [Очень жаль]! За последнее время произошло нечто, что перевернуло всю мою старую психологию. Но это была воля Учителя, ибо во всём сказывается Его чрезвычайное влияние. Всё настолько поразительно, что трудно даже писать. Дело в том, что сегодня, 17-го, я имел объяснение с Марой, и выяснилось, что мы друг друга глубоко любим и чувствуем. Словом, я решил

жениться и ехать в Индию уже женатым. Это Вам, конечно, покажется очень странным, но это так. Рука М.М. видна во всём.

За всё это время происходили явления, которых я, конечно, не понимал, но теперь отлично понимаю. Автоматически нам всё это было сказано, но мы не понимали. Конечно, у нас глубокая кармическая связь, ведь Мара была моей женой, когда я был Тимуром. В это я глубоко верю, ибо никогда не находил человека, который более походил на меня.

У нас всё началось, когда мы вместе осматривали Средне-Азиатский отдел Louvre [Лувра]. Я это ясно сразу почувствовал, и Мара также, но из-за гордыни я ничего не сказал. Теперь всё выяснилось, я страшно счастлив. Тем более что это мне открыло новые возможности и новые стороны жизни. Словом, мне это нужно было, иначе моё положение было страшное, я был в тупике. Теперь я понимаю и чувствую бхакти, и это даёт мне и открывает новую сторону М.М. Какое творчество!

Милая Мама, пойми только и почувствуй всё громадное, что совершается! Не разбивай мою чашу, а то мне это причинит невыносимую боль. Вы знаете, душевное страдание хуже физического.

Телеграфируйте Ваше согласие по моему адресу: 270, rue de Vaugirard [улица де Вожирар], но только, молю вас, только согласие, ибо всё другое меня изувечит на всю жизнь. Это первый и последний случай в моей жизни. Ведь наши обе семьи также на друг друга похожи. Нам необходимо иметь группу, а то, что со мной здесь произошло, есть та необходимая связь, которая даст возможность творить.

Ведь подумай, Мара — прекрасный музыкант, и это даст столько ещё новых возможностей и такую новую полноту моей жизни. Даже во сне Учитель мне указывал, но я не понимал.

Рисунок чаши, который я Вам послал и который я постоянно вижу перед собою, теперь объясняется. Мы были с Марой на лекции Prof. Moret [профессора Море] о Champollion [Шампольоне], и Moret [Море] объяснял, что символ чаши с яйцом наверху — “un Symbol de paternite” [символ отцовства].

Словом, каждый день случается невозможное. Сплошная сказка. Ирма Владимировна страшно счастлива и видела всё это раньше нас, ибо она много знает через духовное зрение и слух. Каждый день приносит новые подтверждения, и влияние М.М. сильно ощущается. И я понимаю, почему это произошло. Теперь я уже навеки скован с М.М., ибо одно из самых крупных событий моей жизни совершилось под знаком Учителя.

Помните, когда ясновидящая в Лондоне указывала на то, что у Мама появился ещё ребёнок. Ведь теперь это объясняется вполне, ведь в Индию нас поедет 5. И я так с Марой мечтаю о работе в Шантиникетане. Я там решил читать ряд лекций по Средней Азии. Pelliot [Пеллиот] меня теперь называет “jeune confrère [молодой коллега]”, а Vasot [Васот] обещал мне дать все свои карты, путеводители, заметки по Тибету. Словом, происходит удивительная сказка, и только молю Вас, чтобы вы согласились, а то это так будет больно. Ведь это нарушит ту группу, которая здесь создалась. Жду скорого ответа — согласия и благословения родительского.

Отступлений не может быть, и Вы знаете, как я всё глубоко переживаю...

Мы здесь никому не говорим, но ответьте мне первому. Ирма Влад[имировна] просила передать новость о моей помолвке Миме и Ио. Мы все очень счастливы. Надеюсь, вы также.

Больше не говорите никому». [2, книга 10, с. 330. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«18-28.11.1922. Снова пишу Вам, ибо хочу хотя бы мысленно побыть с Вами. Так тяжело, что Вы все на той стороне океана, и в нужный момент мы не все вместе. Поняли ли вы мои предыдущие письма? Знаете ли всю глубину моих переживаний? Ведь в мою жизнь ворвались с необычайной силой новые мысли и чувства. Счастье так близко,

и вместе с тем так будет больно, если всё кончится не так, как нужно. За последнее время я много испытал, многое пережил, и словно мне прибавилось ещё лет десять...

Вы знаете, что я безумно люблю Мару, и мне платят такой же безумной любовью. Хотя она и старше меня на три года (недоразумение с годами я выяснил), но мы так хорошо к друг другу подходим. Теперь дело обстоит след[ующим] образом: конечно, решено ждать Вашего ответа; если ответ будет положительным, мы решили венчаться 19-го Янв[аря], после окончания поста. Финансовое положение выяснилось, и я только дивлюсь чуткости и такту Ирмы Влад[имировны]. Меня этот вопрос финансов сильно беспокоил, и я был в порядочном тупике, но, конечно, ничего не говорил. Ирма Влад. отгадала моё волнение и сегодня мне сказала, что её это не беспокоит, ибо по завещанию Маре приходится 100000 franc. [франков], и имеется уже квартира до 14-го Июля (а там Индия). Вы понимаете моё волнение, чувствую, что Учитель посылает мне материальный выход, но не знаю Вашего решения.

Вместе с тем, я так глубоко люблю и кармическая связь настолько сильна (с Марой вместе мы вспоминаем прошлое, и она действительно помнит многое), что, если всё это прервать, получится глубокая рана, которую трудно будет залечить. И это в символах нам было показано автоматическим письмом. Была нарисована фигура с двумя чашами: одна чаша медная, и очень светлая, другая — чёрная, полная крови (как было сказано: “и в темноте крови бывает отблеск меча”). Кроме того, было сказано: “Мара может изменить карму”.

Словом, были даны вещи, которые я только теперь понимаю. Ведь если светлая чаша будет разбита и восторжествует тёмная, я умру духовно, и иссушенную ветку трудно опять будет превратить в живую. Грустно мне и больно выливать перед Вами всю тяготу моего сердца, но я так ещё одинок, что нужно с кем-либо об этом поговорить. Правда, Ирма Влад. — замечательный человек и меня глубоко любит, но всё же перед ней я должен одевать маску твёрдости. Ведь если счастье моё минует меня, мне остаётся единственный выход — иностранный легион. И это не глупость, не простое мальчишество, а просто желание скорее всё кончить, если светлая чаша будет разбита. Сейчас она у меня в руках, но вы ключ к счастью имеете в Ваших руках. Простите меня, быть может, за известную резкость. Я знаю Папину мудрость, но всё же я один, и пишу, что чувствую.

Смотрю на потолок и вижу столь знакомый мне глаз, но что он хочет от меня? Вчера вечером мне что-то давали в руки — чашу или ещё что-то — я плохо видел, ибо был сильно уставши. Нас всех очень беспокоит Ваше решение (т. е. Ирма[у] Влад[имировну] и меня), Мара же уверена, что меня всегда окружает удача, и потому спокойна. Она такая милая, и мне будет так трудно её огорчить.

Крепко Вас обнимаю, не покидайте меня в самый трудный момент моей жизни...

Если согласны на моё венчание, напишите хорошее письмо Ир. Влад. Я уверен, что Вы будете любить мою Мару... Прошу это письмо уничтожить, ибо пишу тайные соображения». [2, книга 10, с. 332. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«20.11.1922. Теперь перехожу к делу. На общем совете (Ирма[а] Влад[имировна], Мара и я) было решено следующее: обручиться, как только получится Ваш ответ...

Все формальности нужно сделать скорее, ибо нужно время для получения новой ещё визы. Мечтаю об Индии». [2, книга 10, с. 334. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«11.11.1922. Милый мой Юханчик, вчера получили твоё письмо от 30-го Окт. Спешу ответить...

Милый мой, родной, радуюсь душевно, что ты не одинок и что у тебя есть дом, где ты можешь отдохнуть духом. Береги это — не скажи ничего лишнего и будь чуток к тому, когда нужно отойти (прими это во всех смыслах)...

Ещё раз, Юханчик, прошу тебя, читай все данные тебе наставления, исполняй их, ибо дух твой согласен с ними, но дай ему утвердиться, не сбивай одним отрицательным рассуждением... ученик, тем более ученик, несущий поручение, обязан являть строжайшую дисциплину, возможно точнейшее выполнение указаний. Этим ты поднимаешь свой авторитет в глазах людей, помогаешь делу, а главное, растёшь в доверии и готовишься к более ответственному поручению...

Светка наш путается, сознание мутно, не может найти себя. Очень тяжёлые ауры беднягу окружают. Имеет всё, чтобы быть счастливым, а благодаря влиянию тёмных страдает». [2, книга 10, с. 324. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«21.11.1922. Сейчас получил Мамино письмо от 11 Ноября, которое меня несколько огорчило. Зачем укорять меня в неисполнении поручения М.М.? И мне больно, когда укор послан от Мамаы. Знамя Учителя развивается на всех фортах, и колонны его воинства идут на приступ днём и ночью. Я часто перечитываю указания, и они у меня врезаны в память. Я знаю, что Учитель со мною, ибо чувствую Его близость и вижу поразительные видения. Из прошлых писем вы знаете, что со мною произошло. То, что произошло — бесповоротно, ибо это единственный исход для меня...

Теперь, когда я полюбил Мару, моё одиночество (которое меня так тяготило в Америке и даже здесь, в Париже) исчезло, и я светло смотрю в будущее. Я стал бхакти, и ключ к сокровенному ларцу мною найден. Но помните, что я нахожусь на волоске от духовной смерти, ибо Ваше veto [вето] заставит меня умереть навсегда для духовной работы. Это причиняет такую боль, что Вы вашего Юрика больше не увидите и что это внесёт такое горе в группу, которая здесь создалась и ждёт Вас. Поймите, что пишу эти слова кровью и чувствую такой нестерпимый холод при одной мысли о Вашем отказе. Даже рассуждая по-человечески, я не могу идти назад. Люблю настолько сильно, что весь сгораю.

Когда будет получено Ваше согласие, начнутся приготовления к венчанию 19-го Января]. Всё будет просто, и лишних людей не будет...

Так радостно будет, когда вы дадите Ваше согласие, ибо пока так безумно тяжело». [2, книга 10, с. 336. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«22.11.1922. Пишу Вам ещё, хотя Вы, наверное, удивляетесь обилию получаемых писем. Ирм. Влад. сегодня отправила Вам письмо, рисуящее положение с деловой стороны...

Родные мои, дорогие мои, знайте, что я всегда с Вами и всегда готов идти в бой. Быть может, мои предыдущие письма Вас огорчили своею резкостью, но мне нужно было вылить всю тяготу мою в них. Простите меня! Итак, ждём вашей телеграммы.

Из письма Ир. Влад. Вы узнаете, что у нас уже есть квартира и прислуга. Но ответьте скорее, ибо так хочется, чтобы всё вышло бы к Январю, иначе трудно становится работать...

Мои письма прошу уничтожать и никому не показывать!..

Мне необходимо Ваше согласие, ибо мне только 20 лет, недоразумение с годами я выяснил... Поймите, что оставаться женихом и невестой без Ирмы Влад. целую зиму невозможно, ибо мы живём во Франции, где на такое положение смотрят очень строго.

Итак, прошу Вас скорее, скорее ответить. Огонь, который горит во мне, слишком силён, чтобы его тушить. Но это было мне необходимо, и это я чувствовал последние два года очень сильно, ведь одиночество моё было громадное.

Мне уж сейчас кажется, что я женат. Удивительно! Но прошу письма уничтожить!» [2, книга 10, с. 338. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«25.11.1922. 25 ноября утром получилась весть из Парижа о помолвке Юрия». [3, т. 3, с. 160]

«26.11.1922. Послана телеграмма Юр[ию и] Манциарли: “Ваше решение правильно”.

Но по приезде в Париж дам Мой указ.

Урусвати принимает решение верное.

Сам укажу последствия.

Она смягчит его жестокость.

Любит войну как действие.

Но надо допускать войну ради следствия.

С Моего ведома.

Пусть не забудет о поручении, ибо оно щит ваш.

Удрая и Люмоу могут вредить, но только себе.

Можете смело смотреть в лицо жизни. Я за вами. Не скрою сложности текущих дней». [3, т. 3, с. 165]

«27.11.1922. Считаю, надо Удраю остеречь от скорых решений». [3, т. 3, с. 166]

«27.11.1922. Родной наш Юханчик, Твоё письмо не только не потрясло нас, но даже не удивило. Ты пишешь: “Мама, не разбивай мою чашу”. Милый мой мальчик, не наши руки разольют твою чашу — не расплёскивай её сам!

В дни личного счастья не забудь о Великом Служении и о поручении, данном нам и тебе. Радуюсь, что Мара понимает служение Великому Идеалу, в таком случае она поможет тебе выполнить твоё поручение. Посвящать кого-либо в ваши отношения мы, конечно, не будем, ибо знаем, сколько ненужного и осложняющего войдёт в жизнь. Не скажем даже Святославу.

Каких-либо спешных решений, изменяющих уклад жизни, до нашего приезда принимать нельзя, ибо сказано: “По приезде в Париж дам Мой Указ...” Итак, будь счастлив, мой мальчик, и сумей совместить личное со ступенями восхождения, и не только совместить, но сделать его тем огнём, из которого высекают огонь духа...

В конце Мая уже будем в Париже. Расскажем тебе чудесную сказку жизни, ибо писать об этом нельзя». [2, книга 10, с. 341. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«28.11.1922. Родной Юрик, получили три Твоих письма зараз. Из телеграммы и из письма мамы Ты уже знаешь, что мы против ничего не имеем. Я нашёл маму на раскопках, Ты нашёл Мару в Музее. Дай Бог, чтобы она походила на маму в её духовных стремлениях и помогала Служению, входя в него своею сущностью. Ибо Служение сейчас — наша единая общая задача: в Нём — день и радость битвы духа, без Него — мрак и обычная пошлость жизни. Наш Учитель указал, чтобы до нашего приезда в Париж (15 мая — ещё ближе!) Ты оставался бы в квартире и ничего не предпринимал бы.

Конечно, как всегда, в основе этого Указа — глубокая причина какая-то; но до Мая всего пять месяцев. В обоюдном ознакомлении и усиленной работе эти месяцы пройдут быстро.

Сделаем точно, как указал Учитель». [2, книга 10, с. 342. Из письма Н.К. Рериха Ю.Н. Рериху]

«29.11.1922. Хочу с Вами поговорить о деле моём. Вы, наверное, уж получили все мои письма. Прошу Вас их всех уничтожить, ибо написаны они были только для Вас.

Прошу также — простите меня за, быть может, некоторую резкость выражений, но я так страдал. Ведь перерождаться нелегко! Вы уже знаете из письма Ирм[ы] Влад[имировны], что практически дело обстоит весьма просто. Нами пока решено венчаться до отъезда Ирмы Влад. Вы хорошо понимаете, что Маре оставаться одной нельзя в Париже и что будут очень косо смотреть, если я буду к ней ходить...

Я уже Вам писал, что Вашего приезда ждать нельзя, ибо будет уже слишком поздно хлопотать визы... Кроме того, наше чувство к друг другу настолько сильно, что необходимо видеться каждый день, что мы и делаем.

Если отложить, то исчезнет возможность работы, и нервная система придёт в окончательное расшатанное состояние с обеих сторон... Словом, если это не будет в январе, мы оба окажемся в ложном положении...

Прошу прислать Ваше разрешение венчаться (одно от папы, другое от мамы), заверенное во Франц[узском] Консульстве... Это на всякий случай, если таковое потребуется». [2, книга 10, с. 344. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«01.12.1922. Не говорите Лихтман об Удрае. Удрая останется. [3, т. 3, с. 168]

«04.12.1922. Срочно надо писать Удрае — усвой отношение к Моему указу, лишь ко Благу. Чую, не принял Моё указание. Умеет лишь песнопение, но жертву не понимает. Умучим почти своей фантазией. Говорю долго о нём, ибо показать надо чувство долга сейчас». [3, т. 3, с. 173]

«05.12.1922. Родной мой Юханчик, тороплюсь отправить это письмо по указанию Учителя, потому, прежде всего, спишу тебе всё, что было сказано для тебя...

Удрая, родной мой мальчик, сумей сдержать себя, не урони себя в глазах Мары, выкажи мужество, мы тоже переживаем очень трудное время, все силы напряжены, не дай восторжествовать нашим врагам. Пожалей себя и Мару. Папа и я, мы более двух лет были жен[ихом] и невестой, и даже расставались на 8 мес[яцев], и чувство не угасало, а наоборот, окрепло. И сейчас мы с особенной радостью вспоминали это время. Юхан, подумай, сколько некрасивого в такой поспешности.

Неужели ты согласен жить на счёт своей жены? Я не соглашалась жить всецело на средства наших родителей, а ждала, чтобы получить свою часть и чтоб папа стал независим от своей семьи. Неужели ты не видишь всей некрасивой стороны этого поспешного брака? Если Мара чутка, она должна это чувствовать и только больше будет уважать тебя за твою сдержанность. Юрик, Юрик, не сорви слишком поспешно цветок счастья, дай ему расцвести во всей его красоте». [2, книга 10, с. 349. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«06.12.1922. Чую, он Рерихом оскорблён. Он — Удрая. Пусть не думает, что поручение удастся без вас. Удрая считает себя главным, но вам поручение дано. Рука Моя распределяет лишь работу». [3, т. 3, с. 174]

«13.12.1922. — Юр[ий] просил прислать ему для М[анциарли] один из браслет[ов]? — Не пошли Моих колец». [3, т. 3, с. 184]

«14.12.1922. Париж. Ваше решение принимается — Рерих». [2, книга 10, с. 355. Телеграмма Ю.Н. Рериха родителям]

«15.12.1922. Вы уже, наверно, знаете, что мы принимаем Ваше решение. Конечно, будет тяжело ждать до Мая, но такова воля Учителя...

Ирм[а] Влад[имировна] выезжает 14-го Янв[аря] в New York [Нью-Йорк]». [2, книга 10, с. 356. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«22.12.1922. Вы, конечно, правы, что спешить нельзя было и что нужно со свадьбой ждать Мая. Теперь буря прошла, и я вновь обрёл необходимое спокойствие для

работы. И Мара мне в этом много помогла. Мы оба чувствовали, как Учитель работает над нами...

Теперь жду Мая. Надеюсь, вы не будете иметь ничего против нашего счастья в Мае». [2, книга 10, с. 361. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«08-09.01.1923. Родной мой Юхан, спешу послать тебе последние указания Учителя:

“7-е Янв[аря]. Надо послать Мою волю Удрае. Тамерлану надо явить силу духа, иначе *посвящение отдалится*. Рука Моя лишь над твёрдыми. Слабость и легкомыслие родят предательство. Предательство судим не причинами, но следствиями. Свободен каждый, но суд несёт по делам. Жесток был Тамерлан, но это не оправдание. Жестокостью не стучатся к посвящению. Чую, надо счастье утверждать трудом”.

Юхан, пойми этот указ!!! До сих пор ты почти ничего не выполнил из того, что тебе было указано, а лишь нарушил.

Тебе было ясно сказано сидеть раз в неделю *одному* и писать, а в 10 дней раз сидеть и говорить со Шклявером, исполнил ли ты это? Сохранил ли Тайну? Нет, ты начал демонстрацию и, очутившись в экзальтированной атмосфере, потерял всякую власть над собой. Вспомни Лондон, всю феерию, созданную при помощи нашей неуравновешенной тогда фантазии!!! Не то же ли самое произошло в Париже?

Юхан, опомнись, будь мужественен — возьми себя в руки, не давай овладевать собой, помни, что это последняя возможность запасть западным знанием. Неужели ты её упустишь? Неужели печальная сторона твоего гороскопа исполнится? Юхан, Юханчик Мой любимый, слушай меня, пишу тебе, а сердце моё кровью обливается — пойми ты — как ты близок утратить свой путь! Неужели ты идёшь обычной дорогой? Ты себе представить не можешь, что мы перестрадали за тебя эти месяцы.

Как трудно писать, зная, что письма часто попадают в неподходящее настроение и могут лишь ухудшить положение. Родной мой, помни, что никакие личные соображения не руководят нами — мы лишь действуем согласно Благому, Великому Плану Нашего Учителя. Если б я могла доверить бумаге всё то, что раскрыто нам, но я не могу это! Заклинаю тебя моей огромной любовью к тебе, будь осторожен!!! Не давай распоряжаться собою и твоим временем — не веди себя мальчиком! Вспомни свой дух! И пойми, что сейчас страшная борьба, и ты и Светик атакованы со стороны наиболее слабой, будь настороже!!!!

Если [бы] ты мог чувствовать, сколько тревоги у нас за тебя и за Светика. Он тоже атакован и почти час в час, и день в день. Но он ещё моложе, и это труднее, а кроме того, он всё-таки при нас...

Мысли свободно: не дай дурману окутать мозги — очисти любовь! Пойми свято и высоко — разберись! — что ты принимаешь за любовь!!!» [2, книга 10, с. 375. Из письма Е.И. Рерих Ю.Н. Рериху]

«15.01.1923. В Вашем письме к Маре Вы упрекаете меня, что я не показывал Ваших писем и скрывал указания. Неужели Вы думаете, что я что-либо скрываю от неё? Грустно, что океан всё же является препятствием к правильным сношениям.

Больно, что Вы думаете, что моё чувство к Маре простая вспышка. Словом, мне страшно, страшно тяжело. Жду Мая и надеюсь, что Вы будете больше мне доверять. Жду очень Вашего скорого приезда, ибо хочу, чтобы Вы скорее узнали бы Мару. Ирм[а] Влад[имировна] скоро будет с Вами, и Вы узнаете всё...

За последнее время у нас стали портиться отношения с Жоржем [Шклявером]. Учитель был прав, когда не советовал жить у него... Сидеть с ним нельзя, ибо он ещё не готов и вся его готовность пока только на словах. Кроме того, я не люблю способ стола, ибо это такой несовершенный способ передачи. Словом, в этом отношении мне виднее, как поступать». [2, книга 10, с. 376. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«22.01.1923. Получил Ваше письмо от 9-го Января]. Письмо это привело меня в изумление. Мне причиняет глубокую боль сознание, что Вы страдаете. Но зачем страдать, когда нет положительно никакого основания? От Учителя нашего я не удалялся, мою работу исполнял и поручения Учителя исполнил.

Вы спрашиваете, почему я не сидел со Шкл[явером]; из прошлого моего письма Вы узнаете о положении вещей...

Вы пишете, что, быть может, я потерял власть над собою в автомат[ическом] писании; если это было бы так, то я перестану верить во что-либо, ибо тогда это смертельная рана, от которой не оправляются...

Вы пишете, что разрушается шествие четверых. Но разве я его разрушаю? Если я приобщил к нашему подвигу человека, который всей душою готов следовать за нами по нашему пути, то разве это предательство? Итак, прошу очень, хотя бы во имя Вашей любви ко мне, не упрекать меня в предательстве. Всё должно быть радостно, и радость необходима для плодотворной работы.

Работаю я много, и имею право на известный отдых в день. Отдыхаю я только вблизи от Мары». [2, книга 10, с. 380. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«18.01.1923. Приезд [Ирмы Владимировны] Манциарли — первая беседа». [3, т. 3, с. 226]

«19.01.1923. Путь надо очистить, много Удряя усложнил». [3, т. 3, с. 227]

«21.01.1923. Теперь возложи на Меня ошибки Удраи. Тверди: малолетний, и сошлись на Меня (то, что я должна говорить М. Манциарли)». [3, т. 3, с. 233]

«24.01.1923. Удряя чует вашу явленную, чудесную любовь ко Мне. Учитель щадит руку малолетнего». [3, т. 3, с. 236]

«28.01.1923. Поскакал Тимур, но только усложнил положение. Неистовый дух, сложивший горы черепов, должен скромно приближаться...

Подожди делать выводы, когда и Тимуру даётся возможность лучшего восхождения. Несу, как в колыбели, и требую лишь послушание. Мой путь кратчайший, и неужели не замечаете помощь каждый день?

Если не может сидеть один, пусть прекратит писания. Непонимание простых слов вредно. Поправлю ошибки, но требую точного исполнения...

Для Манциарли довольно пока книги, ибо провода повреждены Тимуром...

Иначе всё Братство займётся браками...

На замеч[ание] Е. Р[ерих], что ей страшно грустно на душе.

— По делам Тимура вижу полное малолетие, лучше бы получить степень доктора в Харварде. [3, т. 3, с. 242]

«29.01.1923. Удряя Урусвати считает явленной мучительницей. Так свои ошибки мы подсылаем другим». [3, т. 3, с. 243]

«30.01.1923. — Что скажет М.М. о моей беседе с Манци[арли]?

— Долго тянется хвост непослушания. С твоей стороны всё ладно». [3, т. 3, с. 244]

«30.01.1923. Родной мой Юханчик, сейчас отправила письмо Маре, сажусь писать тебе.

У меня было три разговора с Ирм[ой] Вл[адимировной]. Приводить их в письме невозможно. Но, милый мой мальчик, — у нас всё так ясно — у неё всё запутано. Я могу моё отношение ко всему этому вопросу изложить в три фразы, и к ним нечего прибавлять.

Ослушание сидеть и писать одному придало ненужную окраску отношениям, кот[орые] иначе могли вылиться в прекрасную дружбу, благотворно влияющую на обоих. Теперь мы стоим перед рядом осложнений; чтобы выпутаться из них и сохранить место в поручении, должны беспрекословно исполнять все указы Учителя. Указ Новый будет дан в Мае.

Всё, что передавала мне Ирма Вл., так напомнило мне Лондон, но ты помнишь, до каких размеров разыгралась наша фантазия тогда, и теперь ты должен был бы знать, как часто мы объясняли в ту сторону, как нам хотелось...

Точно так же твоё видение чаши со светящимся яйцом нам очень знакомо, но только это не яйцо, а кольцо — перстень, — при этом есть ещё третья деталь, но ты её, видимо, не усмотрел. Ты объясняешь как символ paternite [отцовства]. Мы же знаем, что знак этот — жертва-власть-мудрость.

Вижу из слов Ирмы Вл[адимировны], что ты приписал себе слишком большое значение в сравнении с нами, и этим ввёл её в заблуждение. Ты ей сказал, что мы всегда с тобою солидарны, но, милый мой Юханчик, не правильнее было бы сказать, что ты с нами солидарен? Ведь ты знаешь, Кто за нами! Вспомни: “Не я, а мы”. “Я” далеко не ведёт!

Будучи, следовательно, уверена в твоём значении и авторитете, она не сочла нужным о чём-либо оповещать заранее или запрашивать, а просто поставила нас, так же как и ты, перед совершившимся фактом. С твоей стороны это было величайшее легкомыслие, зная, на что ты позван!

...Теперь, когда многое выяснилось... Ирм[а] Вл[адимировна] меня же упрекает, что я ей прямо не написала всё откровенно и что твоя ранняя женитьба не входит в план Учителя.

А между тем ни в одном нашем письме нет указаний на возможность близкой свадьбы, наоборот, везде приводятся примеры ожидания. Мы щадили её и ваши чувства, кот[орые] вы нам изображали в столь огненных красках. А кроме того, может быть, со временем Мара и будет твоей женой.

Чую, что ты меня считаешь явленной мучительницей, но ничего не поделаешь. Я была такой в отношении Светика, а сейчас он очень рад... Мне страшно за вас обоих одновременно...

Мальчик мой, не отринь водящую Руку. Пытайся сохранить место суждённое. Прими и выдержи испытание». [2, книга 10, с. 387. Из письма Е.И. Перих Ю.Н. Периху]

«01.02.1923. Мамины слова “воздержаться от брака” — нужно ли их понимать, как только отложение венчания на более долгий срок, или же это вообще отказ от мысли моего брака? Прошу точно это мне сообщить, не боясь причинить боль.

В подобных делах нужна большая ясность. Я, конечно, своих намерений не меняю, но хотел бы выяснить всё точнее с Вами. Ошибаетесь очень, если думаете, что это “первая любовь”. Поверьте, трудно было меня на это двинуть, и процесс был такой трудный, что я никогда более не решусь на это во второй раз.

Когда встретимся, опишу вам всё это громадное оккультное воздействие, которое надо мною производилось до 17-го Ноября прошлого года. Поймите, что ни Мара, ни я это не ожидали. Я глубоко люблю Мару, и, чем больше приглядываюсь к ней, вижу, что это единственный человек, на ком бы я ещё мог жениться». [2, книга 10, с. 394. Из письма Ю.Н. Периха родителям]

«05.02.1923. Урусвати может Удрае написать Мой указ. Нужно Руку водящую почитать поступками.

Удряя, точно учи Мои указы. Удряя, чти каждое слово. Удряя, почти Моё желание духовного понимания. Удряя, не покажи Фуюме и Урусвати пумы явление.

Может пума заслонить лик человеческий. Он пытается устремить на вас стрелы.

Но убери своеволие, Урусвати — твоё прибежище.

Урусвати ведёт дух твой.

Урусвати знает и чует Мои указы.

Удряя, Урусвати береги.

Дума Моя пусть поможет тебе». [3, т. 3, с. 254]

«06.02.1923. Вот лежат передо мною все твои письма, начиная со дня отъезда с Monhegan'a [Монхегана], — какая разница! В первых столько места уделено Нашему Учителю, желание выполнить наилучшим образом возложенные поручения-испытания и подготовиться к подвигу завершения знания!

А что теперь?

Личное стоит на первом месте. Песнопение Учителю, когда кажется всё согласным твоему желанию, и угрозы в противном случае! И кому эти угрозы? Самому себе, ибо ты знаешь, что всё худое и хорошее, совершаемое нами, отражается прежде всего и больше всего на нас самих! Ты говоришь, что Мара тебя смягчила, увы, не вижу этого. Угрозы и нежелание видеть свои ошибки — старый багаж. Из твоего отношения к указам Учителя ясно одно — как тебе ещё многое не открыто.

Юханчик, родной мой, отрешись на минуту от всего личного, прочти и поразмысли. С тяжёлым сердцем приняли мы новые указания.

Мальчик мой любимый, почувствуй всю заботу Учителя о тебе — оцени это и не будь неблагодарным. Найди мужество, не разрушь своё будущее!

Ранняя женитьба — твоя погибель! Можешь теперь себе представить, что мы испытываем, видя, что ты не желаешь ждать. Неужели наши дороги разойдутся?! И ты не в состоянии будешь следовать за Учителем!..

Если Мара действительно так предана Служению и любит тебя, она должна это понять и помочь тебе выполнить задачу твою. Ирм[а] Влад[имировна] хорошо это поняла — по крайней мере, так мне она это сказала, хотя, конечно, я не могла сообщить ей никаких подробностей нашего поручения.

По словам Ирм[ы] Влад[имировны], Маре так противна мысль о браке, что, я думаю, она в тайне души будет рада продолжить неповторяемое время чистой любви-дружбы...

Милый, родной Юхан, не враги и не мучители мы тебе! Лишь смотрим в будущее, кот[орое] нам дано открыть». [2, книга 10, с. 395. Из письма Е.И. Перих Ю.Н. Периху]

«21.02.1923. Получил мамино письмо от 6-го Февр[аля]. С грустью глубокой прочёл Ваши мысли о мне. Трудно мне справиться с самим собою. Слишком много бурности, обуздать которую трудно. И не угрозы я Вам писал, а только констатировал переживания в самом себе. Поймите, что никогда Вас врагами не считал и знаю, что пума во мне вредит только мне самому...

Конечно, ошибка была сделана огромная. Не нужно было толковать писание в столь земном смысле. Удивляюсь, что не было дано предупреждения о могущем произойти. Это меня, конечно, остановило бы, и я даже не подумал бы об этом. Вы даже не знаете, как трудно было на это решиться, но, думая, что это воля Учителя, пришлось себя подогреть, а подогреть всегда можно.

Как жаль, что Учитель не дал своего согласия, когда я просил о монашестве. Ведь даже обет самому себе не позволил бы совершившееся. Но, видимо, так нужно было.

С самого начала мы были очень дружны с Марою, и нам даже в голову не приходила возможность брака. Теперь, когда мы прожили в этой мысли с лишком три месяца, трудно очень рвать. Не знаю, как всё повернётся, но чую, что ещё много придётся

испытать. Ведь за всё это платить кровью, и жизнерадостность постепенно уходит в прошлое... Действительно, печальный период моего существования. Но какая потеря репутации?..

Как тронула меня приписка Мамы: “Мальчик, родной мой, чуй любовь мою”. Да, я её чую и верю в неё. Всё же во всём происшедшем я один виноват. Виноват трижды: не распознал испытания, стал писать и истолковал ошибочно. Есть ещё четвёртое — что ввёл в заблуждение Ир[му] Влад[имировну], как Вы это писали мне». [2, книга 10, с. 407. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«03.03.1923. Хочу вас подготовить и умоляю не придавать особого значения... неизвестно какими путями, известие нашей помолвки попало к “Herald of the Star [Вестник Звезды]”. Как и почему, не знаю. Мы с Марою были в отчаянии, ибо теперь это делается общеизвестным фактом. Будьте уверены, что мы примем все меры, чтобы замазать случившееся». [2, книга 10, с. 413. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«13.03.1923. Вижу Мару три раза в неделю. Всё обстоит благополучно. Ждём Вашего приезда, чтобы решить всё вместе». [2, книга 10, с. 420. Из письма Ю.Н. Рериха родителям]

«25.04.1923. Я боюсь ярости Тамерлана — ткань духа рвёт. Конечно, и его свяжем, но ценен добровольный подвиг». [3, т. 4, с. 47]

«26.04.1923. ...пусть Тамерлан себе сам путь не преградит». [3, т. 4, с. 48]

«06.05.1923. — Не скажет ли М.М. Удрае?

— Запомни, Удрая, жди Моего указа. Заполни время трудом и, следуя за Моими послами, иди в гору». [3, т. 4, с. 68]

«10.05.1923. О востоке лучше, Удрая, думай. Удрая, широко дух расправь. Удрая, в одиночестве иди на Мой путь, куда рука Моя укажет. Удрая, жутко разъединение. Удрая, ошибку признай, твоему возрасту приличную, думай лишь о Моём деле. Удрая, может лик Мой дать радость. Лукавые мысли, дух понижающие, рушь». [3, т. 4, с. 70]

«12.05.1923. Урусвати — жертва, явленная мучителю Тамерлану. Урусвати, щитом Моим закройся. Лукавые руки дам побороть». [3, т. 4, с. 71]

«15.05.1923. Париж. Удрая подрастёт, знаю, нелегко с наездниками и царями». [3, т. 4, с. 73]

«20.05.1923. Урусвати, чую твою боль (огорчения Е. Р[ерих] поведением сыновей). Примите во внимание величину духов растущих и безобразия, с ними творимые. Заслонённые, но даже теперь растут, и Я Сам дам почувствовать стыд за их поступки. И Сам покажу, насколько Удрая теряет, нарушая путь. Но не жалейте их, когда получают уроки ко благу. Урусвати права — надо сказать Манц[иарли] лишь о дружбе». [3, т. 4, с. 73]

«Письмо датировано июлем 1923 г., но, судя по содержанию, написано в мае 1923 г.

У нас пока всё идёт хорошо. Юрий сознаёт, что он попал в западню и, видимо, счастлив выпутаться.

Мару видела всего раз в присутствии всей нашей семьи и потому говорить откровенно не пришлось. Она содержательнее своих сестёр, видимостью не лучше, а возраст ближе к 30.

Сегодня вечером увижу её наедине, и произойдёт более или менее решительная беседа. Не думаю, чтобы она так легко согласилась со всеми нашими доводами. Хотя я уверена, что главную роль играла мать.

Очень было важно прочесть их автомат[ические] писания, и сейчас эта тетрадь у меня. Но ничего, указывающего на необходимость брака, не нашла. Дали лишь призыв к служению и на духовное объединение, но лишь на духовном плане, и даже предупреждение не понять это по-людски. Некоторые послания замечательно красивы, и я даже хочу их списать.

Юрий рассказывает чудовищные вещи, как его заманивали и заставляли сближаться с дочерью, и накануне постарались доказать, что оккультные голоса приказывают ему жениться на ней. Хочу думать, что девушка в этом не так повинна, но факт тот, что Юрий не только не влюблён, но даже не привязан дружбою. Радуетя новому костюму и мечтает о ружье — возраст сказывается во всём.

Физически он изменился — очень похудел и такая слабость, что часто руки трясутся. За эти дни уже немного подправился, ибо чувствует за собою опору, но при упоминании имени Ирмы Влад[имировны] начинает немного волноваться. Видимо, она его запугала. Рано ещё праздновать окончательную победу, но уже то хорошо, что он согласен и даже хочет ехать с нами в Италию...

Мальчики виснут на нас». [2, книга 10, с. 471. Из письма Е.И. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке]

«21.05.1923. Брака не видим, кроме исключительных поручений.

Удрая преступил указ, навлѣк волны бывшей кармы — можно облегчить последствия, но себялюбие открывает новые бреши, и тогда лучшие послания читаются наоборот. Сильный урок Тамерлану. У Тамерлана много жертв, и они будут тянуться к нему, и только понимание духовной работы и почитание Урусвати поможет.

Допустите стучащегося (*Юрий вошёл в комн[ату]*). Удрая, тебе говорю: пойми судьбу Тамерлана и почитай водительницу твоего счастья Урусвати, обрати меч к власти, которую можешь наследовать. Не пиши без Указания и почитай Начало. Можешь снова подходить к столу Начала. Восходи же, Тамерлан». [3, т. 4, с. 74]

«22.05.1923. Урусвати чует — явление Удраи не чѣрство. Я позволю чистый разговор при нём. Хочу сказать им (*Т[амерлану] и Люмоу*).

Хочу сказать о карме чистой и бережно пройденной. Осторожно касайтесь осмолѣнных узлов судьбы. Гораздо опаснее коснуться уже затверделых, прошлых событий, которые за вами тянутся. Посему предупреждаю: неисполнение указов, неуважение Начала вредит больше, чем кажется.

Снимите руки. Течение кармы можно покрыть льдом понимания, но бойтесь разрушить этот покров неразумением или свирепостью, на щите Нашем запрещѣнными. Повторяю, блюдите данный путь...

Последний раз говорю малолетним — улучшите привычки. Могу нежданно спросить, как бережѣте Начало Урусвати». [3, т. 4, с. 74]

«27.05.1923. Удрая легко может к вам вернуться, но пусть чище мыслит.

Люмоу вне понимания, и хотя против вас восстаѣт, но по малолетству терплю. Легче может утвердиться ваше поручение, нежели думаете. Увидите». [3, т. 4, с. 78]

«01.06.1923. Малолетие не есть оправдание, лучше победу праздновать после первой битвы, нежели блуждать под землёю, потому говорю — идите вместе и укройтесь одним щитом». [3, т. 4, с. 80]

«26.07.1923, S. Moritz [Сен-Мориц]. Позовите Удраю. Не тверди о своём зимнем неразумии (*воспоминания Удраи о его приключениях*), но поручи Мне последствия, ибо Я друг, ибо именем Моим пройдёшь. Но, повторяя случай, лишь заматываешь хвост. Мысленно поручи Мне и замолкни (*о зимнем неразумии*)». [3, т. 4, с. 107]

«30.08.1923. Удряя доверия снова достоин». [3, т. 4, с. 128]

9 декабря 1922 г. — 7 апреля 1923 г. Записана тетрадь коллективных сеансов «Вечера круга семи». Содержит записи, выполненные способом автоматического письма Порумой (Нетти Хорш), Одомаром (Луисом Хорш), Модрой (Франсис Грант) — на английском языке; Ояной (Эстер Лихтман) — на немецком языке; Н.К. Рерихом — на русском языке. Записаны также видения С.М. Шафран. [1, тетради 2-3]

12 января 1923 г. Н.К. Рерих уехал в Детройт на открытие выставки. Вернулся **16 января 1923 г.**

«12.01.1923. Н. Р[ерих] уехал в Detroit». [3, т. 3, с. 224]

«16.01.1923. Н.К. приехал из Детройта и пришёл в Школу. Рассказал много интересного. Выставка имела громадный успех, но четыре картины Н.К. нашёл очень испорченными и много других картин в плохом состоянии». [2, книга 10, с. 379. Из дневника З.Г. Фосдик]

14 апреля — 5 мая 1923 г. Записана тетрадь коллективных сеансов «Вечера круга (9)». Содержит записи, выполненные способом автоматического письма Порумой (Нетти Хорш), Одомаром (Луисом Хорш), Модрой (Франсис Грант) — на английском языке; Ояной (Эстер Лихтман) — на немецком языке; Н.К. Рерихом — на русском языке. Записаны также видения С.М. Шафран. [1, тетрадь 3]

«28.04.1923. Авт[оматическое] п[исьмо] Н. Р[ериха].

Порума, когда девушка вечерами и ночами думами стремится принести пользу миру, когда она мечтает о несказанном прекрасном и высоком, далеко ли это от жизни? Если эти мечты были прекрасны, не будет ли прекрасен и ответ на них?

Радна, зачем искать изменения жизни, зачем ломать старое, если единый вздох открывает нам чудесную страну? Иди к ней.

Модра, ты ужасалась перед дверью темницы, тебе казалось несбыточным, чтоб открылась железная дверь, но вот даю тебе ключ. Умей лишь повернуть его, сколько раз указано, не больше и не меньше — так, как надо.

Ояна, разве далёк подвиг? Не надо диких зверей, не надо суда и воинов — подвиг близок!

Одомар, ты потрясал палицею, вызывая мир на бой, — вот идёт к тебе мир, заостри палицу.

Не надо ложной клятвы, не надо борения духа, священно можешь сказать клятву Истины, ты, названный Авирахом.

Ты, Смотрящая, тебе даю, прибавь каплю Моего дела в питье и обмакни хлеб в вино знания подвига, давая пищу проходящим.

Радостно взойдите новую ступень времени». [3, т. 4, с. 49]

1 мая 1923 г. была сделана первая запись для книги «Листы Сада Мории. Книга вторая» — «Озарение». Последняя запись для этой книги была сделана **24 июня 1925 г.** [1, тетради 3-9]

8 мая 1923 г. Е.И., Н.К. и С.Н. Рерихи отбыли из Америки в Европу на лайнере «Мавритания».

«08.05.1923. Сегодня проводили наших светлых великих учителей в Европу, Е[лену] И[вановну] и Н[иколая] К[онстантиновича]. Они уехали со Светиком на “Mauretania [Мавритании]” в десять часов утра». [2, книга 10, с. 456. Из дневника З.Г. Фосдик]

В мае — сентябре 1923 г. Рерихи совместно с Хоршами путешествовали по Европе: **15 мая** — Париж, Франция; **7 июня** — Виши, Франция; **28 июня** — Лион, Франция; **1 июля** — Рим, Италия; **13 июля** — Флоренция, Италия; **20 июля** — Санкт-Мориц (Сен-Мориц), Швейцария; **11 августа** — Шамони, Франция; **21 августа** — Париж, Франция.

8 сентября 1923 г. Луис и Нетти Хорш отбыли в Америку.

«15 мая 1923, Париж». [3, т. 4, с. 72]

«07 июня 1923, Vichy [Виши]». [3, т. 4, с. 83]

«28 июня 1923, Lyon [Лион]». [3, т. 4, с. 96]

«01 июля 1923, Рим». [1, тетрадь 3, разворот 47]

«13 июля 1923, Флоренция». [3, т. 4, с. 102]

«20 июля 1923, S. Moritz [Сен-Мориц]». [3, т. 4, с. 104]

«11 августа 1923, Chamonix [Шамони]». [3, т. 4, с. 117]

«21 августа 1923, Paris [Париж]». [3, т. 4, с. 123]

«08.09.1923. Отъезд Хоршей в Америку». [3, т. 4, с. 132]

13 сентября 1923 г. к Рерихам в Париж приехала Эстер Лихтман (Ояна). Она уехала в Америку **21 сентября 1923 г.**, увозя с собой легенду о Камне (см. «Криптограммы Востока»).

«13.09.1923. Приехала Ояна». [3, т. 4, с. 135]

«15.09.1923. Указ Ояне: легенду о Камне свези, напечатать можно в марте 1925 г.»
[3, т. 4, с. 136]

«21.09.1923. Последний день Ояны в Париже». [3, т. 4, с. 142]

3 октября 1923 г. в Париже Е.И. Рерих получила от Учителя египетское кольцо с именем Нефрит на скарабее.

«03.10.1923. Подымите подарок (*принесено египетское кольцо*)». [3, т. 4, с. 151]

6 октября 1923 г. в 11 часов утра Ю.Н. Рерих принял посылку с Камнем.

«01.06.1923. Следите за Монголией. Урянхай и Уксун понимают луч Чёрного Камня, который пришло вам». [3, т. 4, с. 81]

«02.06.1923. Когда пришло Камень, сохраните его. Но Камень дам в теле. Но Камень найдёте среди вещей. Даю Я». [3, т. 4, с. 81]

«20.06.1923, Vichy [Виши]. Чистый Мории подарок получите в Париже. Урусвати и Фуяма получают один из талисманов. Увидите у себя — у вещи будет записка. Да, да, да. Умейте Мой дар повезти на родину». [3, т. 4, с. 92]

«23.06.1923, Vichy [Виши]. Урусвати, ему даю силу быть щитом вам — Камню, который пошлю вам». [3, т. 4, с. 94]

«07.07.1923, Рим. Дам оружие новое Фуяме, когда получите Камень.

Устремите внимание на врага дел Моих и, держа в правой руке Камень, скажи трижды вражеское имя; и если найдёшь мужество сурово сказать, но без личной злобы, вихрь врага отменит, препятствием не будут ни океаны, ни горы, ни пустыни.

Не сожги руку о Камень, ибо личная злоба жжёт». [3, т. 4, с. 100]

«25.07.1923, S. Moritz [Сен-Мориц]. Явление Моё чует, как утерянный Камень направляется к вам! Фуяма, Урусвати, скажите: не отступлю от подвига — и скоро дар постучится в ваш дом.

Утерянный Камень пойдёт по Тибету». [3, т. 4, с. 107]

«31.07.1923, St. Moritz [Сен-Мориц]. Присутствуют Логван, Порума, Яруя, Удрая. Когда пришло Камень, храните снимок с него в Америке и в Риге». [3, т. 4, с. 111]

«23.08.1923, Париж. Завтра начнём записывать легенду о Камне, пусть Удрая записывает». [3, т. 4, с. 124]

«26.08.1923. Урусвати, посмотри пламя Камня, потому лишь две руки могут его касаться — твоя и Фуямы. Только гармоничность батареи может контролировать силу. Луч может явить значение, лишь когда действуете по указу.

Не меняйте ткань на Камне, и лучше трогать наедине. Хочу, чтобы вы привыкли к приближению чуда и встретили бы как желанного гостя. Я пришло. Подожди, подожди, подожди». [3, т. 4, с. 126]

«27.08.1923. Ищут иезуиты движение Камня, потому тайна нужна... Соберём части легенды, после дам знак напечатать в Америке... При счастливом течении Ориона Камень опять возвращён Нам. Камень — часть Ориона». [3, т. 4, с. 126]

«01.09.1923. Указ Мой Урусвати: дело Камня переписать и передать Ояне. Урусвати, точно раздели сообщения по времени, о Камне отдельно. Урусвати, ваше новое время приближается. Урусвати, указан чудесный день пробуждения Камня». [3, т. 4, с. 129]

«06.09.1923. И даже приближение Камня наполняет дни действиями. Тяжёл груз Камня, но прекрасны ворота, Камнем открытые». [3, т. 4, с. 131]

«07.09.1923. Ковчег Камня поможет вам сосредоточиться». [3, т. 4, с. 132]

«09.09.1923. Дух Нашего Братства да пребудет с вами, ибо верные руки донесут Камень.

Фуяма, руки готовь! Урусвати, белым шарфом накрой ковчег. Даю вам по доверию Будды. Удержите сурово, Господу скажите: Владыко, готов я принять гору Твою». [3, т. 4, с. 133]

«10.09.1923. Законы мудрости давно указали срок, когда затмение двойное и когда погружение святынь в волны ознаменуют появление новое Камня». [3, т. 4, с. 134]

«11.09.1923. Думайте о новом мире, думайте о шествию народов. Урусвати, на родину народов придёшь. Луч Ориона над тобою. Урусвати, считай, когда ручательство Камнем поведёт Нашу победу». [3, т. 4, с. 134]

«13.09.1923. Приехала Ояна... Когда уедете, начнёте новую ступень, свято несите счастье Камня. Около Камня преобразуются возможности — смотрите лучше. Удача будет спутником... Прошу согласия, без него Камень жжётся». [3, т. 4, с. 135]

«25.09.1923. Часть Камня лежит у Нас — когда Камень соединится, то принесённый осколок завершит победу. Получите часть, блуждающую в мире. Не вынимайте Камня из ковчега. Распахните ткань». [3, т. 4, с. 145]

«29.09.1923. Запишите действие с Камнем. Дух Урусвати чувствует правильно. Нельзя показать Камень три года. Затем скажу, кому можно. Можно говорить о легенде, но без показывания знания, где Камень. Можно указать Кругу и Яруе Мой приказ о тайне. Советую не показывать Камень Люмоу. Доверяю Удрае». [3, т. 4, с. 148]

«03.10.1923. Когда получите Камень, будьте осторожны, повсюду руки, советую, сняв фотографию, не говорить о нём, кроме времени бесед со Мною. Легенда может идти, но о госте твердить не следует». [3, т. 4, с. 151]

«05.10.1923. Вам советую, когда Камень придёт, ковчег вынуть, но не открывать до 28-го октября. Тогда откройте и не трогайте, но снимите фотографию и снова закройте до Индии — там достанете коробку слоновой кости и положите Камень в неё. И коробку положите в ковчег. Сохраните ковчег, на нём — Мои буквы». [3, т. 4, с. 153]

«06.10.1923. В субботу 6-го октября в 11 ч[асов] утра Удрая принял посылку. На вопрос — кто принёс посылку?

— Птицы приносят, не надо много говорить, ибо много гончих по следу. Прирасти дайте гостю к дому». [3, т. 4, с. 153]

«07.10.1923. Родной Яруя, сообщаю Вам радостную, но глубокую тайну. Только Круг в Нью-Йорке и Вы будете знать её. Всякое разглашение повлечёт неисчислимые бедствия всему плану. Вчера, 6 октября, в 11 ч[асов] утра через Bankers Trust [“Бенкерс Трест”] в пакете получен Камень. Он заключён в ковчеге, и три недели ковчег не будет открыт. Ковчег обёрнут в старый пурпуровый бархат с изображением Знака, как на Плате, Вам данном, но с буквою М. От ковчеха идёт особый аромат, усилившийся за день. Снимем фото и пришлём Вам. На ларце изображения ..., буквы М и ... Прилагаем описание по-английски и схематический рисунок. Всё это настолько важно, что не могу писать ни о чём другом. Крепко сохраните тайну (будут пытаться её достать) и радуйтесь духом во имя Грядущего». [2, книга 10, с. 492. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«25.10.1923. Теперь история ковчеха. Когда ковалась возможность получить сокровище в Германии, приготовлен был ковчег, для него найден был пергамент с древним изображением магических знаков, по приказанию Голоса и заклинаний написаны четыре буквы, являющие смысл, лишь теперь понятый; но справедливо вернуть ковчег хозяйке, когда путь идёт на спасение человечества. Часть кожи принадлежала Соломону и могла заключать заклинание зла.

Теперь сделайте темноту и посидите вокруг ковчеха. Описать вам надо им ковчег». [3, т. 4, с. 163]

«31.10.1923. 28-го мы открыли Ковчег и, подняв ткани, видели Камень и сняли его. Скоро отпечатаем и пошлём Вам — храните в полной тайне. При открытии Камня у нас особенно билось сердце и как бы мелкими иголками кололо лицо и пальцы. Атмосфера была так густа, что Е[лена] И[вановна] после должна была лечь». [2, книга 10, с. 500. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

12 — 17 октября 1923 г. Болезнь Н.К. Рериха.

«11.10.1923, Париж. Болезнь Н[иколая] К[онстантиновича] с 12-го по 17-е октября». [3, т. 4, с. 156]

15 ноября 1923 г. семья Рерихов выехала из Парижа в Марсель. **17 ноября** на пароходе «Македония» отбыли из Марселя в Бомбей, Индия, куда прибыли **30 ноября 1923 г.**

«15.11.1923. Отъезд из Парижа 15-го ноября». [1, тетрадь 3, разворот 81]

«17 ноября 1923, “Macedonia [Македония]”». [3, т. 4, с. 173]

«21 ноября 1923, Порт Сауд». [3, т. 4, с. 175]

«22 ноября 1923, Красное море». [3, т. 4, с. 175]

«23 ноября 1923, Синай». [3, т. 4, с. 176]

«25 ноября 1923, Аден». [3, т. 4, с. 177]

«26 ноября 1923, Индийский океан». [3, т. 4, с. 177]

«30 ноября 1923, Бомбей». [3, т. 4, с. 179]

В декабре 1923 г. Рерихи путешествовали по Индии: **4 декабря** — Джайпур, Амбер; **10 декабря** — Агра; **15 декабря** — Дели; **18 декабря** — Бенарес, Калькутта; **25 декабря** — Дарджилинг.

«04.12.1923. Проехали Jaipur [Джайпур] — Amber [Амбер]». [1, тетрадь 3, разворот 84]

«10.12.1923. Agra [Агра]». [1, тетрадь 3, разворот 84]

«15.12.1923. Delhi [Дели]». [1, тетрадь 3, разворот 85]

«18.12.1923. Проехали Бенарес — Калькутту». [1, тетрадь 3, разворот 86]

«25.12.1923. Дарджилинг». [1, тетрадь 3, разворот 86]

3 января 1924 г. Рерихи поселились в Дарджилинге, в Потанге — доме, где некогда жил Далай Лама.

«01.01.1924. Вот мы перед вершинами Гималаев, вот кругом многие знаки, вот нам дан для жилья дом, где жил три года Далай Лама». [2, книга 11, с. 15. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«02.01.1924. Завтра мы переезжаем из отеля в указанный дом. Перед домом — Гималаи, и справа видна дорога в Лхасу». [2, книга 11, с. 16. Из письма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

6 — 8 января 1924 г. Болезнь Е.И. Рерих.

«С 6-го по 8-ое янв[аря] — моя болезнь». [1, тетрадь 3, разворот 90]

15 февраля 1924 г. Рерихи отправились в поездку по монастырям Сиккима. Вернулись **24 февраля 1924 г.**

«14.02.1924. 15 февраля рано утром двинулись в Сикким». [3, т. 4, с. 203]

«24.02.1924. День возвращения из поездки по монастырям». [3, т. 4, с. 203]

28 марта 1924 г. Е.И. Рерих начала записывать свой огненный Опыт параллельно с Беседами. Произошло разделение на тетради Бесед и тетради Опыта.

«Слышать начала много раньше, нежели 28 марта 1924 г., но регулярную запись начала вести лишь с этого числа». [1, тетрадь 48, разворот 4]

22 сентября 1924 г. Н.К. и С.Н. Рерихи отбыли в Америку. **11 октября** прибыли в Париж, покинув его **18 октября**. В Нью-Йорк прибыли **24 октября 1924 г.**

«22.09.1924. Отъезд [Н.К. и С.Н. Рерихов] в А[мерику]». [3, т. 5, с. 203]

«11.10.1924. Благополучно провели первый день в П[ариже]». [3, т. 5, с. 215]

«17.10.1924. Ф[уяме] скоро снова в путь». [3, т. 5, с. 220]

«18.10.1924. Плывут благополучно». [3, т. 5, с. 220]

«24.10.1924. Сегодня в час дня на “Аквитании” приехал Н.К. со Светиком...

Н.К. сказал нам, что поедет обратно в Берлин и Париж, где он должен получить концессии на земли в Алтае под [разработку полезных ископаемых] для агрикультурного применения». [2, книга 11, с. 297. Из дневника З.Г. Фосдик]

10 декабря 1924 г. Н.К. Рерих выехал из Нью-Йорка в Индию с посещением ряда мест в Европе. С.Н. Рерих остался в Америке.

«25.11.1924. Сегодня в 12 ч. Н.К. вернулся от Бородина, который дал ему много нужных указаний, какие письма приготовить и кого увидеть в Париже и Берлине. Сказал, что Гувер интересуется Алтаем. Ввиду чрезвычайной важности всего, в связи с визитами [к] нужным людям в Европе, Н.К. решил, что Авирах должен поехать с ним в Париж и Берлин, чтобы лично привезти сюда сведения и все планы. Так что 10-го декабря они едут вместе». [2, книга 11, с. 339. Из дневника З.Г. Фосдик]

«10.12.1924. Сегодня утром проводили Н.К., уехавшего на *Paris [Париж]* с Авирахом в Европу... Вечером пошла к Светику по его просьбе, поужинала с ним, у него отличная квартира». [2, книга 11, с. 358. Из дневника З.Г. Фосдик]

«28.12.1924. Вчера получили телеграмму из Парижа, что всё очень успешно и сегодня Н.К. уже выехал из Марселя». [2, книга 11, с. 366. Из письма З.Г. Фосдик Е.И. Рерих]

«10.01.1925, «Катори Мару» [японское судно]. Я вспоминаю, что сегодня Авирах, вероятно, приближается к Америке, каким было плавание? Мой Яруя снова болен, хотя качка очень слабая». [2, книга 11, с. 376. Из письма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

«12.01.1925. Останется только две недели до приезда Профессора Рериха с Яруей. И вы легко можете нарисовать себе наше ожидание». [2, книга 11, с. 377. Из письма Е.И. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке]

«16.01.1925. — С большим достоинством плывут, особенно старый, на плохом корабле.

— А молодой [Яруя]?

— Орёл». [3, т. 5, с. 302]

«19.01.1925. 18 января, в воскресенье утром, профессор Николай Рерих подарил музею в Адыре свою картину «Вестник» как дань памяти о мадам Блаватской». [2, книга 11, с. 382. Хроника]

22 января 1925 г. Н.К. Рерих вернулся в Дарджилинг. Он приехал вместе с В.А. Шибяевым.

«22.01.1925. Пр[иехали] Ф[уяма] и Яр[уя]». [3, т. 5, с. 307]

Шибяев Владимир Анатольевич (Яруя): 15/27.11.1898 — 6.3.1975; теософ, основатель рижского кружка рериховцев, секретарь Н.К. Рериха.

«[О событиях 1920 года.] Я был приглашён к художнику, академику Н.К. Рериху вечером 2 июня 1920 года и, как обыкновенно, сидел с его сыном в комнате последнего, разговаривая о разных научных темах. Я не знал, что рядом Николай Константинович и его супруга вместе с младшим сыном занимались спиритическими опытами. Я также не знал, что они спрашивали своих руководителей позволить мне вступить в кружок. Но, заручившись положительным ответом, меня попросили войти и сесть за столик. В комнате был полный свет, и я ясно видел, что всякая возможность обмана была исключена.

Столик нервно вздрагивал и подскакивал, и когда его спросили:

— *Кто это* (был условный стук: раз — “да”; два раза — “нет”; три раза — усиленное “да”), *не Учителя ли?* — то столик подскочил и ударил раз.

Потом было последовательное сообщение букв. А именно: один из присутствующих называл в непрерывном порядке алфавит и когда буква была произнесена, то последовал стук. Так было собрано несколько фраз, не относившихся ко мне, пока вдруг мадам Рерих [не] спросила — *можно ли узнать имя моего Учителя?*

— Да!

Собрали буквы:

— Сarti! Итальянец! Жил в Пезаро в 1350 году после Р.Х.

И потом была фраза:

— Мы послали его седьмым!

— *Кто? Учителя ли?*

— Да!

— *Тогда его можно пригласить на завтра вечером на физический сеанс?*

— Да!

— *Он медиум?*

Сильный стук:

— Да!

— *Можно ему показать вещи?*

— Да!

— *Можно попросить дать совет жизненный Владимиру Анатольевичу?*

— Да!

Потом по алфавиту собрали:

— Пусть углубляется мыслью в строение мира!..

Потом мы пошли в другую комнату, где мне показали монеты и талисманы, присланные во время последнего физического сеанса... Потом Николай Константинович показал мне нарисованные медиумистически портреты Учителей. Потом он сел в освещённой комнате, отвернул голову и, закрыв лицо левой рукой, как бы задремал, а в правой руке он держал карандаш над бумагой. Потом начинал рисовать... Мы все пошли опять консультировать маленький столик... Дело в том, что великими Учителями было посоветовано, чтобы семья Рерих во что бы то ни стало уехала прочь из этой страны.

— Куда?

— В Сейлон». [2, книга 10, с. 66. Из воспоминаний В.А. Шибаева]

«[О событиях 1919 — 1920 гг.] Впервые я познакомился с Николаем Константиновичем и его семьёй в Лондоне в 1919 году. Тогда я ещё не знал, что эта встреча изменит весь ход моей жизни! Н.К. зашёл в издательство на Флиит-стрит, где я работал тогда, справиться, не знают ли они кого-нибудь, кто мог бы срочно перепечатать на русской машинке его новую книгу «Цветы Мории». Я был рад это сделать, познакомившись при этом с глубоко своеобразными идеями этих стихов, а особенно с циклами «Мальчику» и «Ловцу, входящему в лес». Я сразу же был привлечён к Рериху как писателю-мыслителю. И потому, конечно, с величайшим удовольствием принял любезное приглашение посетить его выставку в Goupil Gallery [галерея Гупил] в мае 1920 года. Раньше я не видел его картин и только теперь познакомился с Рерихом как мастером живописи.

Я сразу же был до такой степени пленён как искусством его красок, так и широтой и глубиной мысли, что решил всем сердцем посвятить себя его работе, и потому радостно принял последовавшее немного позже предложение поехать с ним и его семьёй в Индию, куда он, по приглашению великого индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора, намеревался вскоре выехать. С моим знанием английского языка я должен был присоединиться в качестве секретаря. Рерих и Индия, искусство и философия Востока! — неужели эти дерзновенные мечты, такие, казалось бы, несбыточные, могли вдруг стать действительностью?!

За выставкой последовало приглашение побывать у Рерихов дома, и я познакомился с Еленой Ивановной и сыновьями Юрием и Святославом. Семья жила в особняке номер 25 по Queens Gate Terrace в Кенсингтоне, красивом жилом районе Лондона, около Гайд-парка. Я ютился тогда в центральной части Лондона, возле Британского музея, и ввиду скромности средств отправился в Кенсингтон пешком. Живое помню, как, придя туда вечером, я был встречен с такой любезностью и радушием, как могут встречать лишь русские и, может быть, индусы. Елена Ивановна, по этой первой встрече, так навсегда и осталась у меня в памяти светлой, радостной, сияющей; она вышла мне навстречу, протянув обе руки, с улыбкой приветствуя меня. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич занимались тогда в колледже Лондонского университета, и у нас быстро сложилась глубокая дружба, сохранившаяся до последних писем Юрия из Москвы и в теперешней переписке со Святославом из Индии. Мало, очень мало таких истинно понимающих, сочувствующих и самоотверженно устремлённых людей в мире.

Домой я вернулся только к полуночи. Всё время было так занято интересными беседами, что я и не заметил, что мы не ужинали и даже не пили чаю. Очевидно, предполагалось, что мы уже поужинали до восьми, и так было всегда при многих дальнейших визитах. Только потом я понял глубокую мудрость этого — ведь у нас всех, таким образом, сохранялась сосредоточенность устремлений, которая прервалась и ушла бы при отвлечении на еду... Это, между прочим, характерная черта творчества Рериха — твёрдо наметив цель и план действия, он не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, дабы, как он выражался, не нарушалась “прямолинейность полёта стрелы” и не пострадала “монолитность действия”.

В Англии русским нелегко было получить визу в Индию, но семье Рерихов и мне, как секретарю, визы, в конце концов, были выданы 28 июня 1920 года. Радость была великая, но, как часто бывает в жизни, человек полагает, а судьба располагает. Так и тут! Николай Константинович получил приглашение директора Чикагского института искусств посетить Америку и устроить выставки в тридцати городах Соединённых Штатов. Это было великое дело, огромного значения для распространения истинных основ искусства; и как мы знаем из событий последующих лет, в продолжение пребывания Н.К. в Америке он учредил там целый ряд художественных и

просветительных учреждений. Но это другая знаменательная глава биографии Рериха — в ней я не участвовал и в Америке никогда не был. А пока Н.К. отложил поездку в Индию; и так как секретарь в Америке ему был не нужен, я временно остался в Европе. Рерихи поехали одни и прибыли в Нью-Йорк 2 октября 1920 года». [2, книга 10, с. 91. Из воспоминаний В.А. Шибачева]

«11.01.1922. — Что означает имя Яруя?
— Почитаю Бога». [3, т. 2, с. 62]

«29.04.1922. Вы спрашиваете, как теперь получаются message [сообщения]?
Разными способами: и устно, и показывая написанное. По-прежнему многие указания непонятны в первый момент, но со временем, зато, они раскрываются точно...

Жена моя видит перевоплощения...

Жена моя всё время слышит через открытое ухо». [2, книга 10, с. 235. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибачеву]

«24.07.1923. Пожалуйста, из Вены направляйтесь непосредственно в Энгадин, Сен-Мориц. Отель Сувретта Хауз. Уже находимся здесь. Рерих». [2, книга 10, с. 472. Телеграмма Н.К. Рериха В.А. Шибачеву, перевод с английского]

«27 июля 1923, S. Moritz [Сен-Мориц]. В 12 ч[асов] ночи приехал Шибачев». [3, т. 4, с. 108]

«26.09.1924. Считаю, поездка Яр[уй] в Индию настойчиво необходима. Должен осознать решение будущего. Учитель ждёт своих воинов. Учитель настойчиво говорит о подвижности». [3, т. 5, с. 205]

«29.01.1925. Родные и любимые, уже неделя, как Н.К. и Яруя с нами. Радостной была встреча — так много заложено в основание!» [2, книга 11, с. 390. Из письма Е.И. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке]

20 февраля 1925 г. Е.И. Рерих получила от Учителя письмо на берёзовой коре, написанное по-санскритски.

«11.03.1924. Тебе говорю, Ур[усвати], до отъезда из Дарджил[инга] получишь Моё письмо. Говорю о подтверждении пути». [3, т. 4, с. 219]

«20.02.1925. Прикройте свет окна. Повторяйте в молчании мантрам.

После вращ[ательного] движен[ия] между мною и Яр[уей] упало письмо.

Положи под камень. Также в З[венигороде] оно ляжет в ковчег... Полезно не являть письма никому, кроме Круга. Можно через полгода сказать Ч[ахем-]Б[уле]. Письмо принадлежит Ур[усвати], ибо она свяжет нить с Матерью Мира и с Отцом своим. У[драя], помощи прочесть письмо...» [3, т. 5, с. 345]

«20.02.1925. (Письмо прилетело в окно на мои колена — в феврале месяце в 1925 году.)

(Письмо на берёзовой коре написано было на Санскритском яз[ыке] чернилами. Письмо влетело в открытое окно и упало на мои колена...)» [1, тетрадь 144, страница 38]

«21.02.1925. Ночь на 21-ое февр[аля]. После истор[ического] вечера присылки письма Вл[адыки].

“Родная Урусвати, да будет это твоим Мантрам’ом: “В той Стране помогу в поднятии Мира и в явлении Храма Владык”. Мир тебе!”...

Мой Удрая правильно перевёл письмо». [1, тетрадь 75, разворот 44]

23 февраля 1925 г. В.А. Шибает (Яруя) покинул Дарджилинг.

«24.02.1925. Вчера уехал Яруя...» [2, книга 11, с. 411. Из письма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

6 марта 1925 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи направились из Дарджилинга в Кашмир для организации Центрально-Азиатской экспедиции. **12 марта 1925 г.** прибыли в Шринагар и поселились на лодке-доме «Монарх».

«6 марта 1925 г. наша экспедиция покинула Дарджилинг, а с ним и дружественное княжество Сикким...

В Силигури мы прибыли ночью. Поезд шёл по Бенгальской равнине...

Вечером 8 марта экспедиция прибыла в Равалпинди...

Переночевав в местной гостинице, мы снова двинулись в путь, на этот раз в автомашинах...

Около трёх часов дня мы прибыли в Шринагар...» [2, книга 11, с. 424. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

«12.03.1925. Мы только что прибыли». [2, книга 11, с. 428. Почтовая открытка Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

17 апреля 1925 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи переехали из Шринагара в Гульмарг, Кашмир.

«15-17.04.1925. 17-го мы переехали в Гульмарг. Один день от Шринагара». [2, книга 11, с. 447. Из письма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

23 апреля 1925 г. Великий Владыка предложил Е.И. Рерих перевести несколько писем из книги «Письма Махатм А.П. Синнетту» и издать их под названием «Чаша Востока» (псевдоним переводчицы — Искандер Ханум).

«23.04.1925. Теперь, как Я поступил бы на месте Ур[усвати]. Я бы перевёл двадцать четыре письма из книги «The Mah[atma] Lett[ers to A. P. Sinnett] [Письма Махатм А.П. Синнетту]» и издал бы в «Алат[асе]». Чем положил бы начало серии книг под названием «Чаша Востока». Книга в размере «Л[истов] С[ада] М[ории]». Конечно, в новом правописании и дёшево — без имени. Предлагаю псевдоним на выбор переводчицы — Иск[андер] Х[анум], Рос[сул] Ибн Рахим Ханум или Н[аталья] Рок[отова]... Предоставляю выбрать письма». [3, т. 6, с. 64]

13 мая 1925 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи получили разрешение на въезд в Ладакх.

«13.05.1925. Сегодня важный день! Получено разрешение на въезд в Ладакх». [3, т. 6, с. 88]

12 июля 1925 г. была сделана первая запись для книги «Община». Последняя запись для этой книги была сделана **26 марта 1927 г.** (имеются также дополнения за другие годы). [1, тетради 9-11]

8 августа 1925 г. экспедиция Рерихов направилась из Гульмарга в Ладакх.

«07.08.1925. Отъезд в Л[адак] 8 авг[уста]». [3, т. 6, с. 201]

Август 1925 г. Продвижение экспедиции по Ладакху: **18 августа** — Маульбек; **21 августа** — Ламаюру; **23 августа** — Нурла; **25 августа** — Нимму; **27 августа** — Лех.

«18 августа 1925. М[аулбе]к». [3, т. 6, с. 202]

«21 августа 1925. Лам[аюру]». [3, т. 6, с. 203]

«23 августа 1925. Нур[ла]». [3, т. 6, с. 205]

«25 августа 1925. Ниму». [3, т. 6, с. 207]

«27 августа 1925. Лех». [1, тетрадь 9, разворот 54]

19 сентября 1925 г. экспедиция Рерихов отбыла из Леха, Ладакх, в Хотан, Китай, куда прибыли **14 октября**.

23 октября 1925 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи поселились в доме под названием «Бурхан Булат».

«19.09.1925. Отбытие на Х[отан]». [3, т. 6, с. 228]

«14.10.1925. Прибытие в Хотан». [3, т. 6, с. 229]

«23.10.1925, Бурх[ан] Бул[ат]. Чистая атмосфера здесь, можно тихо пожить. Укус волка здесь невозможен». [3, т. 6, с. 238]

30 ноября 1925 г. Рерихи в «Бурхан Булате» записали письмо Великого Владыки для передачи народному комиссару иностранных дел СССР Г.В. Чичерину.

«30.11.1925. К письму переведённому добавьте письмо к м[осковским] коммунистам:

«На Гималаях Мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали

эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь звуков Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага.

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным. Также Мы признаём своевременность вашего движения и посылаем вам всю Нашу помощь, утверждая единение Азии. Знаем, многие построения совершатся в годах 28 — 31 и 36.

Привет всем ищущим Общего Блага!

Дано в Бурхан Булате».

Это письмо, написанное рукою Ур[усвати], передай Ч[ичерину]. Лучше на тиб[етском]». [3, т. 6, с. 281]

28 января 1926 г. экспедиция Рерихов покинула Хотан, Китай.

«Ранним утром 28 января 1926 года наш двор и сад заполнили вьючные лошади и караванщики... Мы выступили около полудня». [2, книга 12, с. 80. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

Февраль — апрель 1926 г. Прохождение экспедиции по Китаю: **4 февраля** — Каргалык; **6 февраля** — Яркенд; **12 февраля** — Кашгар; **9 марта** — Аксу; **17 марта** — Куча; **24 марта** — Чарчи; **27 марта** — Карашар; **5 апреля** — Кумыш; **10 апреля** — Цайопу; **11 апреля** — Урумчи.

«04 февраля 1926. К[аргалык]». [3, т. 7, с. 7]

«06 февраля 1926. [Яркенд]». [3, т. 7, с. 8]

«12 февраля 1926. К[ашгар]». [3, т. 7, с. 9]

«09 марта 1926. А[ксу]». [3, т. 7, с. 20]

«17 марта 1926. К[уча]». [3, т. 7, с. 23]

«24 марта 1926. [Чарчи]». [3, т. 7, с. 26]

«27 марта 1926. Кар[ашар]». [3, т. 7, с. 28]

«05 апреля 1926. Кум[ыш]». [3, т. 7, с. 32]

«10 апреля 1926. Ц[айо-пу]». [3, т. 7, с. 34]

«11 апреля 1926. Урумчи». [3, т. 7, с. 34]

5 апреля 1926 г. в Кумыше Рерихи записали письмо Махатмы Кут Хуми для передачи народному комиссару иностранных дел СССР Г.В. Чичерину.

«05.04.1926. Теперь — Друг Мой даёт Своё письмо Ч[ичерину]:

«Только глубокое осознание коммунизма даст полное благосостояние народам. Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма, необходимо новое обстоятельство, которое введёт их в русло истинной общины. Таким

всемирным обстоятельством будет принятие коммунизма буддийским сознанием. Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то Наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности. Доверяем посланному Нашему Ак[дордже] передать подробности Нашего предложения. Можем утверждать, что неотложно нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции. Посылаем землю на могилу брата Нашего, Махатмы Ленина. Примите совет и привет Наш».

Так пусть Ур[усвати] напишет на тиб[етской] бумаге». [3, т. 7, с. 32]

25 апреля 1926 г. Великий Владыка дал вступление к книге «Основы буддизма», вышедшей в 1926 году в Урге под псевдонимом Наталия Рокотова. Содержание книги впоследствии дополнялось.

«25.04.1926. Напишем вступление к “Буддизму”». [3, т. 7, с. 44]

16 мая 1926 г. экспедиция Рерихов покинула Урумчи, Китай.

«16 мая мы покинули Урумчи на трёх русских телегах». [2, книга 12, с. 168. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

13 июня 1926 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Москву, где пробыли до **22 июля 1926 г.**

«13.06.1926. Приехали рано утром, в 11 часов добрались до отеля и обнаружили там телеграмму, что наши любимые также прибывают этим утром. Позвонили к ним в отель и узнали — они уже приехали». [2, книга 12, с. 187. Из дневника З.Г. Фосдик]

«13.06.1926. М[ория] рад видеть вас снова вместе». [3, т. 7, с. 66]

«22.07.1926. Покидаем Москву. Знаменательный день — похороны (Ф.Э. Дзержинского)». [2, книга 12, с. 195. Из дневника З.Г. Фосдик]

7 августа 1926 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Верхний Уймон, Алтай, где пробыли до **18 августа 1926 г.**

«07.08.1926. Наутро, несмотря на сильный дождь, выехали в Верхний Уймон, с трудом переправились на пароме... Переправились через Катунь, и в 11 утра были уже в Верхнем Уймоне». [2, книга 12, с. 205. Из дневника З.Г. Фосдик]

«07.08.1926, [Верхний] У[ймо]н. Сюда доходил Будда». [3, т. 7, с. 89]

«19.08.1926. Сегодня утром переправились через Катунь в Уймонскую долину и видели прекрасную Белуху и её снежные вершины...

Возникли трудности с паромом, все мужчины толкали его — мелководье...

Продолжили путешествие новым путём — через Чёрный Ануй, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солонику — до Бийска». [2, книга 12, с. 211. Из дневника З.Г. Фосдик]

24 августа 1926 г. Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Бийск, Алтай; **27 августа** — в Ново-Николаевск (Новосибирск); **7 сентября** — в Верхнеудинск (Улан-Удэ); **13 сентября** — в Ургу (Улан-Батор), Монголия.

«24 августа 1926. [Бийск]». [3, т. 7, с. 100]

«27 августа 1926. [Новосибирск]». [3, т. 7, с. 102]

«07 сентября 1926. [Верхнеудинск]». [3, т. 7, с. 107]

«13 сентября 1926. Ур[га]». [3, т. 7, с. 109]

Октябрь 1926 г. — 1927 г. В тетрадях Опыта второй редакции многие записи за этот период не датированы и расположены не в хронологическом порядке. [1, тетрадь 76]

29 марта 1927 г. в Ургу из Америки прибыли Зинаида и Морис Лихтманы (Радна и Авирах), привезшие необходимые вещи для экспедиции.

«29.03.1927, [Урга]. Приезд друзей». [3, т. 7, с. 327]

«28 марта мы с радостью приветствовали наших американских сотрудников, г-на и г-жу Лихтман, которые приехали в Ургу, привезя с собой провизию и снаряжение для экспедиции... Г-н и г-жа Лихтман привезли с собой некоторое лагерное снаряжение и палатки, а кроме того, крайне необходимую зимнюю одежду и ящики с медикаментами, которые прислали г-н Л.Л. Хорш и г-н С.Н. Рерих». [2, книга 12, с. 284. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

13 апреля 1927 г. из Урги в Тибет отбыла экспедиция Рерихов, названная посольством.

«13.04.1927, [Урга]. Отъезд Посольства в Тибет». [3, т. 7, с. 335]

24 апреля 1927 г. экспедиция прибыла в Юм-Бейсе для формирования каравана.

«24.04.1927. Приезд в Юм-бейсе». [2, книга 12, с. 318. Из дневника К.Н. Рябинина]

30 апреля 1927 г. караван экспедиции направился из Юм-Бейсе для перехода через пустыню Гоби.

«Утро 30 апреля приветствовало нас сильным и ровным северо-восточным ветром... В одиннадцать тридцать караван экспедиции отправился тремя длинными колоннами в длительное путешествие через Гоби». [2, книга 12, с. 322. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

5 мая 1927 г. была сделана первая запись для книги «Агни Йога». Последняя запись для этой книги была сделана **11 мая 1929 г.** (имеются дополнения за другие годы). [1, тетради 11-16]

21 мая 1927 г. был завершён переход через Центральную Гоби, караван прибыл в урочище Шибочен.

«21.05.1927. 22-й день пути каравана. Вышли в 10 ч. утра в урочище Шибочен; на стоянку прибыли в 1 ч. дня». [2, книга 12, с. 334. Из дневника К.Н. Рябина]

22 мая 1927 г. Елена Ивановна записала: «Трудно записывать в пути, ибо ночи коротки, на рассвете выступаем в путь. Многие записи сожжены из-за их содержания — надо было хранить в пути». [1, тетрадь 76, разворот 88]

19 июня 1927 г. караван отбыл из урочища Шибочен и **24 июня 1927 г.** прибыл в долину реки Шарагол.

«18.06.1927. Правильно решили поставить в Шарагольчах отдалённо». [3, т. 8, с. 38]

«24.06.1927. В этом лагере мы провели шесть недель в ожидании начала сезона верблюжьих караванов». [2, книга 12, с. 345. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

24 июля 1927 г. члены экспедиции соорудили субурган на том месте, где за сорок лет до того останавливался на ночлег Махатма Кут Хуми. Субурган посвящён Шамбале.

«14.07.1927. Однажды Мой Друг останавливался около вашей стоянки, там, где будет субурган. У Него была маленькая тиб[етская] палатка и двое спутников. Оба не знали, кто едет, и считали за вестника Д[алай] Л[амы]. Это было около сорока лет тому назад. Считали за тибетского ламу из провинции Кам». [3, т. 8, с. 64]

«24.07.1927. Это не только наш день, но и день окончания нашего субургана». [2, книга 12, с. 351. Из дневника Н.К. Рериха «Алтай — Гималаи»]

28 июля 1927 г. к экспедиции присоединился Н.В. Кардашевский. Произошло частичное затопление лагеря потоком с гор.

«28.07.1927. 28 июля к нам неожиданно присоединился полковник Н.В. Кардашевский, путешествующий по Гоби из Пекина и задержавшийся из-за беспокойного положения в Китае. До нас дошло известие, что он едет к нам, но никто не знал о его местонахождении. Наконец он добрался до нас и рассказал о своём длинном и опасном путешествии по Гоби и Кансу.

Вечером того же дня почти весь лагерь был снесён потоком воды». [2, книга 12, с. 351. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

Кардашевский (Кордашевский) Николай Викторович (Чаем-Була, Чахембула): 1877 — 1945; полковник, начальник конвоя экспедиции.

«30.10.1923. Чахем-Була — темник орды Тамерлана знамени Коня Большого». [3, т. 4, с. 167]

«27.08.1923. Имейте в виду двух новых:

1) Н[иколай] Вик[торович] К[ордашевский] (имя Чахембула) живёт на Литве. Знает немного, но очень полезен в будущем. Получил Знак.

2) Писатель Гребенщиков. Ещё не приобщён, но истинный друг. [2, книга 10, с. 477. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«25.08.1923. Указ Кордашевскому. Пусть идёт в ожидании часа Зова. Вам поручаю позвать его, и Аллал-Минг даст ему знак, но не говори больше указа». [3, т. 4, с. 125]

«30.08.1923, Париж. Дорогой Николай Константинович,

Уезжая, заочно хочу ещё раз проститься с Вами. Я ухожу счастливый тем, что Учителю угодно было призвать меня. Ухожу полный веры в духовную близость к Вам и к моим неведомым братьям, с которыми также создалась у меня незримая и неразрывная связь. Не знаю, за что дано всё это мне, ибо по делам и духовной слабости моим не мог я быть отмечен. Долг война возложен на меня свыше. Жалею, что общение с Вами было так кратко, но надеюсь, что настанет время, когда это возобновится». [2, книга 10, с. 479. Из письма Н.В. Кардашевского Н.К. Рериху]

«19.10.1923. Напишите Чахембуле братское письмо, а то дух его колеблется и не может ещё осознать всю важность данного ему поручения». [2, книга 10, с. 495. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«31.10.1923. Значит, Ваш дух уже прочен в Служении. Не могу то же сказать о Чахембуле. Вчера он даже написал мне, что ушёл от меня без единой реальной детали. А он получил и Знак, и Книгу, т. е. высшее, что может быть. Имейте в виду, я ему написал, что, если бы дух его ещё не выдержал Знака, он может вернуть его Вам. Как он мог написать так? А сам говорит, что ощущает необыкновенную энергию и теплоту сердца. Верно, атаки тёмных». [2, книга 10, с. 500. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«01.11.1923. Немного юн головою Чахембула (и даже мнит, что будто бы что-то знает, а сам в пригготовительном классе), ну да он по военной части — ему простительно». [2, книга 10, с. 501. Из письма Н.К. Рериха сотрудикам]

«12.11.1923. Радуюсь, что Вы повидали Чахембулу, узнали его пристрастие к магии и поняли, что для него очень мудро побыть в природе и очиститься от всяких наносных, механических формул...

Всячески удерживайте Чахембулу от магии. Я знаю, откуда это идёт. Но дух его хорош — он вырастет». [2, книга 10, с. 505. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«17.03.1924. Уже писал Вам, прося помочь Чахембуле. Нельзя ли перевести его в Ригу на службу? Или помочь, чтобы Правительство дало ему заграничное поручение. Присмотрите за ним, он очень нуждается в дружеской помощи». [2, книга 11, с. 93. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

«07.04.1924. Есть у меня и странная мысль: как будто я должен получить из Ваших стран меч. Археологическую редкость, саблю, принадлежавшую темнику Знамени

Большого коня. Мысль. Но в этой области никогда не знаешь, есть ли это интуиция или игра воображения». [2, книга 11, с. 111. Из письма Н.В. Кардашевского Н.К. Рериху]

«15.06.1924. Очень хорошо, что Чахембула стал переписываться с вами. Ему очень надо работать над собой. Я собираюсь написать ему о том, что он должен отойти от поворота к магии. Ему необходимо понять, что магия приведёт его только в низшие сферы духа». [2, книга 11, с. 186. Из письма Н.К. Рериха сотрудникам в Нью-Йорке]

«10.07.1924. Чахембула только что был трижды спасён. От двух ужасных женитьб и от гибели на английской службе в Индии. Но все три дара ему показались ударами». [2, книга 11, с. 223. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву и Н.В. Кардашевскому]

«18.05.1925. Добрая весть: Указано отослать Чахембуле кольцо; в декабре он вставит камень в него». [2, книга 11, с. 461. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву и Н.В. Кардашевскому]

«25.07.1925. Родные Яруя и Чахембула. Вот и все мечтания Темника исполнились. За день до его письма послано: меч, кольцо, эскиз к картине «Сергий Строитель» и монгольская грамматика». [2, книга 11, с. 480. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву и Н.В. Кардашевскому]

«23.02.1926. Извещён ли Чахембула о близости зова?» [2, книга 12, с. 102. Из письма Е.И. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке]

«В декабре 1926 года получил я из Нью-Йорка известие, что в принципе решено Посольство Западных буддистов, которое пройдёт через Тибет, причём Николай Константинович Рерих, продолжая свою уже трёхлетнюю большую экспедицию по Центральной Азии, станет во главе этой миссии, и что, лично зная меня, Н.К.Р. предлагает мне должность начальника конвоя этого Посольства». [2, книга 12, с. 246. Из воспоминаний Н.В. Кардашевского]

«21.05.1927. Учитель видит его с вами (Ч[ахем-]Б[улу])». [3, т. 8, с. 16]

«09.06.1927. — Когда приедет Ч[ахем-]Б[ула]?

— Всё сказано.

— Почему Уч[итель] не хочет ск[азать], когда его можно ожид[ать]?

— Иначе будем походить на Быст[рова] с вопросом о номере. Ведь сказал, вижу его с вами. Сказано всё нужное. Можно спокойно готовить ему лошадь. Советую доктору не говорить с ним о Боге, пока не поймёт, что Наше понимание принципа величественнее, нежели истукан. Незнание дел Ч[ахем-]Б[улой] осложняет, ибо можно обращаться только как к солдату, но и это преоборем». [3, т. 8, с. 30]

«24.07.1927. Никогда не советовал усиленно призывать сотрудников. Наш совет — открыть дверь стучащимся. Ч[ахем-]Б[ула] может сам найти вас. Это нужно ему, но не для вас». [3, т. 8, с. 77]

19 августа 1927 г. караван экспедиции отбыл из долины реки Шарагол по направлению к соляной пустыне Цайдам.

5 сентября 1927 г. был завершён переход через пустыню Цайдам.

«19.08.1927. Мы садимся на лошадей и вытягиваемся по одному, Н.К.Р. — впереди. Направление — через горный хребет имени Гумбольта». [2, книга 12, с. 360. Из книги Н. Декроа]

«Девятнадцатого августа мы выступили через Цайдам на Тибет». [2, книга 12, с. 361. Из дневника Н.К. Рериха «Алтай — Гималаи»]

«4 сентября мы вошли в соляную пустыню Цайдам...
Около полудня мы остановились около ручья пресной воды...
В пять часов дня был дан сигнал отправления...
В четыре часа утра мы достигли южного края топей, и здесь почва стала твёрдой». [2, книга 12, с. 369. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

14 сентября 1927 г. караван вошёл на нагорье Тибета.

«14.09.1927. Тибет встретил нас белым хадаком... за перевалом, в узкой межхребтовой долине, всё было покрыто толстым слоем снега». [2, книга 12, с. 376. Из дневника П.К. Портнягина]

10 октября 1927 г. караван был остановлен тибетскими властями на плато Чантанг.

«10-11.10.1927. Начались тягостные попытки посылать письма и телеграммы Далай-Ламе, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли и американскому консулу в Калькутту. Но всё тщетно». [2, книга 12, с. 393. Из дневника Н.К. Рериха «Алтай — Гималаи»]

«10.10.1927. Вы знаете размер битвы, происходящей около вас, не запомню такой. Но кто с Нами, тот победит». [3, т. 8, с. 132]

17 декабря 1927 г. караван сменил место стоянки, переместившись к монастырю Шаругон.

«17.12.1927. Переезд в Шюреген — около монастыря бон-по.
Рад вашему переезду. Считаю, прежнее место стало вредным». [3, т. 8, с. 177]

«17.12.1927. Потребовалось семьдесят яков для транспортировки нашего лагеря и багажа в Шаругон». [2, книга 12, с. 454. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

19 января 1928 г. караван отбыл в Нагчу, прибыв туда **23 января 1928 г.**

«23.01.1928. Из Шаругена мы вышли 19-го, пробыв всего в пути 5 дней». [2, книга 12, с. 483. Из дневника П.К. Портнягина]

«24 января 1927, Нагчу». [3, т. 8, с. 207]

10 февраля 1928 г. произошёл пожар горлового центра у Е.И. Рерих (первый пожар центров).

«10.02.1928. Моя болезнь, воспламенение синтезирующего горлового центра, усилилась. Боль ужасна, отёк всей области рта, не пошевелить языком. Никакие лекарства не помогают. Видение голубого луча, сильно вибрирующего». [3, т. 8, с. 227]

«11.02.1928. Учитель отменил все лекарства, возможно лишь холодное молоко и холодные компрессы на горло. Несмотря, что в комнате температура 4° и 5° ниже нуля по Реомюру, лежу на резино[во]м мешке, наполненном ледяной водой. Сильный жар». [3, т. 8, с. 227]

«12.02.1928. Ночь. Горение в горле ничем не утолить. Жар, обжигающий руки, сердце летает, а не бьётся, иногда ощущаю его в горле или же под лопатками и даже в боку. Голубой луч всё время действует. Слышала: “Будда в тревоге”, — и мой голос, добавивший: “Ибо я дочь”; “Чудный путь”. Под утро: “Перестань тревожиться, спутница жизни Моей!”» [3, т. 8, с. 227]

«13.02.1928. Немного легче... В ночь на 13-е видела три жёлтых пламени в области гортани. Уже несколько ночей подряд вижу своё изображение, увеличенное раза в полтора, огромные глаза, грозно смотрящие...

Теперь лишь здоровье и молоко. Можно испытать завтра или сегодня Довертов порошок в молоке. Явление огня уменьшается, ибо возгорание даёт жёлтый огонь. Все Мы на страже. Мы просим всю осторожность...

Изображение Урусвати у Нас как терафим.

— Но почему я так была притянута, как магнитом, к своему облику?

— Терафим охраняет и привлекает. Урусвати с Нами. Ибо Сам Будда охраняет теперь терафим. Нужен лишь маленький отдых для здоровья.

Видела своё изображение в светло-голубом, усеянном пёстрыми цветочками, восточном шёлковом халатике, окружённом темно-сине-лиловой аурой. Всё моё существо тянулось со страшной силой к этому изображению». [3, т. 8, с. 228]

«15.02.1928. В ночь на 15-е видела сон. Сижу в низеньком кресле. Немного поодаль, присев на ручку кресла, Учитель К[оот-]Н[ооти]. Я очень огорчаюсь, что Учитель, спеша подать мне помощь (воспламенённым центрам), пренебрёг какими-то предосторожностями и получил значительные ожоги. Тут же я вижу две молнии, пронзающие Его ауру с левой стороны. Говорю — как же Учитель может быть так неосторожен при таких опасных опытах. Учитель К[оот-]Н[ооти] весело отвечает: “Не беспокойтесь, когда Я участвую с другими и вами в определённых опытах, Я принимаю все необходимые предосторожности, но здесь нельзя было терять ни секунды”.

Каждая опасность даёт также преимущество. Центр гортани приносит синтез. Так меч закаляется в огне. Конечно, каждое пламя опасно, но тонкость формы восприятия утверждается пламенем. Потому Агни Йога создаётся на явлении огня — жизнедателя и создателя воли.

Теперь нужно применить всю осторожность и заботливость о приятном пути. Мы следим за огненным опытом. Помогло своевременное изготовление терафима, для чего было снято изображение Урусвати. Теперь отдыхай.

— Почему Учитель раньше не делал терафима Ф[уямы] и моего?

— Ибо терафим должен быть возобновляем, ибо токи иссякают». [3, т. 8, с. 229]

«16.02.1928. Горение в гортани прошло, встала». [3, т. 8, с. 230]

«17.02.1928. Конечно, Мой Друг получил несколько ожогов при тушении пожара Урусвати, но это не раз случается с Нами, когда в астрале нужно спешить переменным током. Урусвати помнит голубой луч, действовавший во время сильного огня.

— Какой был это луч?

— Луч успокоения, когда пожар грозил распространиться на центры ушей и третий глаз. Температура воздуха помогла успокоить пожар, ибо жар тела мог быть опасен для центра Чаши. Теперь прошу осторожность, ибо силы нужны. Буду помогать, чтобы энергия не расходовалась...

— Должно быть, Учитель K[oot-]H[ooti] всегда лечит меня?

— Когда астральное состояние Его способствует скорости». [3, т. 8, с. 230]

24 февраля 1928 г. произошёл второй пожар центров у Е.И. Рерих.

«24.02.1928. В ночь заболела — жар, страшное томление и горение в руках и ногах. Весь день лежала на мешке с ледяной водой, покрытая лишь тонким одеялом, несмотря на низкую температуру в комнате — 2-3° ниже нуля по Реомюру. Ф[уяма] ледяными руками старался умерить жар моих рук». [3, т. 8, с. 239]

«25.02.1928. С утра лучше — жар прошёл.

Можно отдыхать от битвы, которая шумит около вас. Урусвати явила стойкость при самом опасном нападении. Обнародование Агни Йоги принадлежит Урусвати, ибо она утвердила Учение своими огнями. Теперь можно явить покой и осторожность...

— О каком нападении или, вернее, чьё?

— Сам враг...

— Как объяснить горящие пучки?

— Пучки нервов». [3, т. 8, с. 239]

«28.02.1928. Голос Владыки: “За одну ночь могли быть уничтожены все накопления”». [3, т. 8, с. 241]

«01.03.1928. Видение большого пламени в горле, затем пучка нервов, горевшего курчавым огнём, боль в горле». [3, т. 8, с. 243]

«02.03.1928. — К чему относилось: “За одну ночь могли быть уничтожены все накопления”?

— Когда вся свора боролась против Нас». [3, т. 8, с. 244]

«Тибет. Страницы, увлеченные здесь, записаны в Тибете, на стоянке горной, на высоте около 17000 ф[утов]. Стоянка эта явилась многомесячной; немало было проведено там томительных дней бездействия в ожидании разрешения на вход в Лхасу.

Новая страстная ступень моего огненного опыта была тогда же оявлена во всей силе моего внутреннего огня в сотрудничестве с Лучами Надземного Учителя. Такое сотрудничество явило Мне страстное воспламенение солнечного сплетения. Воспламенение оявилось, конечно, как страстное напряжение во всём организме, и солнечно[ое] сплетение стало давать мне новые признаки его напряженного состояния. Ярая напряжённость эта сказывалась прежде всего определённым ощущением тепла во всём организме. Страстное горение ощущалось прежде всего в руках и ногах; казалось, что они были иногда как бы в огне. Замечалось отсутствие голода и малая потребность во сне.

Ярое горение в организме облегчалось тогда большой разрежённостью атмосферы в оявленное зимнее время. Но солнечное сплетение не мучило тогда меня

никакими болезненными ощущениями в нём самом. Оно проявляло полное спокойствие, и только изредка как бы острые, колющие иглы разбегались от него по всей грудной клетке. Но других ощущений в самом сплетении не замечала тогда.

Уявление моего огненного опыта было страстно облегчено морозом и разрежённой атмосферой гор. Сотрудничество моего Надземного Учителя стало определённо и ярко проявляться в посылаемых Им мне лучах, или вибрациях, ночной порой. Вибрации эти проявлялись иногда как сильные, но краткие сотрясения всего организма, и тело моё уявлялось тогда на успокоении от всяких болезненных ощущений.

Сотрудничество это было систематично, непрестанно и яро разнообразно. Изредка слышала Голос, говоривший мне, какое положение тела мне нужно принять для лучшего восприятия лучей, мне посылаемых. Новая ступень опыта стала тогда много сложнее, чем в Урге и раньше. Описывая такой необычный опыт, мне придётся являть много повторений, неизбежных при таком новом опыте. Заметки опыта заносились тогда кратко, часто на отдельных листках; некоторые из них не смогла найти после наших многочисленных передвижений и кочёвок в гималайских снегах. Иногда пальцы замерзали и не могли держать карандаш. Случилось так, что и коньяк замёрз во фляге на последней стоянке перед «Нагчу», или «Хрустальным Дворцом». Но «Дворец» оказался небольшим монастырём, с весьма ограниченным числом монахов (говорили, что 6000) и стоявшими там губернаторами областей, примыкающих к Лхасе. Губернаторы оказались весьма невежественными типами, и после получения отказа нам на въезд в Лхасу они отправили нас обратно в Индию по самому дальнему пути. Мы были в пути не менее трёх месяцев; или караваном на яках и лошадях. Два верблюда дошли с нами до Сиккима.

Вышли из Нагчу 3-го марта и вошли в Дарджилинг 28-го мая в 9 часов вечера.

Ур[усвати] не знала, что едет в Тибет, на ярые высоты, чтобы стать там Йогиней. Яро Урусвати приобщилась там Огню». [1, тетрадь 99, разворот 5]

«Апрель — май 1950. Мой Луч спас тогда тебя и уявил тем спасение и Нашей страстной Планете — Нашей Земле. Но ярая не знала тогда о страстном событии для всего Мира. Ярая не знала тогда о страстном своём сотрудничестве со Мною в битве с Врагом». [1, тетрадь 102, разворот 52]

4 марта 1928 г. караван отбыл из Нагчу, Тибет.

«04.03.1928. Выезд из Нагчу». [3, т. 8, с. 245]

«4 марта 1928 г. запомнится всем членам экспедиции как окончание плена на негостеприимных нагорьях Тибета». [2, книга 12, с. 524. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

5 апреля 1928 г. Великий Владыка посоветовал собрать из притч книгу «Криптограммы Востока». **3 августа 1928 г.** было одобрено предисловие к этой книге.

«05.04.1928. Советую из притч собрать маленькую книгу под названием «Криптограммы Востока». Можно о Будде, о Христе, Люцифере, Акбаре и Сергии, также о золоте и тьме. Считаю, можно дать маленькую книгу без знака издательства. Цвет обложки зелёный. Урусвати также даст часть легенды о Камне». [3, т. 8, с. 387]

«03.08.1928. Одобряю предисловие к “Криптограммам”. Укажите, как неожиданно находятся крохи Истины. Жизнь преданий указывает, какие образы живут в народе». [3, т. 8, с. 275]

21 апреля 1928 г. Владыка сообщил Е.И. Рерих, что отныне она будет именоваться Матерью Агни Йоги.

«21.04.1928. Я дал огненный Камень той, которая по решению Нашему будет именоваться Матерью Агни Йоги, ибо она предоставила себя на испытание пространственному Огню». [3, т. 8, с. 288]

25 апреля 1928 г. караван спустился в долину реки Брахмапутры. Рерихи попрощались с частью участников экспедиции.

«25.04.1928. Наконец-то великая Брахмапутра! Трудно передать наши чувства». [2, книга 12, с. 594. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

18 мая 1928 г. экспедиция покинула Тибет.

«18.05.1928. Памятный день для всех членов экспедиции...
Прощай, Тибет, земля бурь, ветров и негостеприимных правителей!» [2, книга 12, с. 622. Из книги Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии»]

24 мая 1928 г. Рерихи прибыли в Гангток, Сикким.

«24.05.1928. Первый день в Gantog'e [Гангтоке]». [3, т. 8, с. 317]

27 мая 1928 г. Рерихи прибыли в Дарджилинг, вновь поселившись в Потанге (доме, где жил Далай Лама и где они жили до экспедиции).

«27.05.1928. Приезд в Дар[д]жилинг». [3, т. 8, с. 318]

«31.05.1928. Переезд в Потанг». [3, т. 8, с. 318]

«31.05.1928. Сейчас живём на старом месте в Хиллсайде. Полковник Кордашевский и доктор Рябинин на днях уезжают в Калькутту». [2, книга 12, с. 625. Из письма Ю.Н. Рериха С. Н. Рериху]

14 августа 1928 г. в Дарджилинг из Америки прибыли Зинаида Лихтман (Радна) и Франсис Грант (Модра).

«14.08.1928. Приезд Радны и Модры». [3, т. 8, с. 401]

«13-14.08.1928. Нас встретили Н[иколай] К[онстантинович] и Юрий, оба выглядели великолепно — мы так счастливы. Подъехали к их дому, что высоко на горе, чудный дом, Е[лена] И[вановна] вышла нас встречать, выглядит хорошо, загорела, как всегда

прекрасна, но немного похудела. Такая радостная встреча, её объятия и поцелуи. Нам показали наши комнаты; какая у неё потрясающая интуиция — сначала она хотела дать нам одну комнату с верандой, но затем догадалась, что нам лучше иметь две отдельные комнаты, так что я получила комнату с верандой, а Фр[ансис] — комнату побольше, с отдельными ваннами. А ведь я ей ничего не говорила, даже не упомянула ни о чём». [2, книга 13, с. 54. Из дневника З.Г. Фосдик]

20 августа 1928 г. в Дарджилинг из Америки прибыл С.Н. Рерих.

«20.08.1928. В 9.30 приехал Светик...» [2, книга 13, с. 82. Из дневника З.Г. Фосдик]

9 сентября 1928 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи, Зинаида Лихтман (Радна) и Франсис Грант (Модра) уехали из Дарджилинга в Симлу. Там обсуждался вопрос о покупке земли для обустройства научной станции. Вернулись **20 сентября 1928 г.**

«09.09.1928. Ехали спокойно до Силигури, там пересели в поезд до Калькутты». [2, книга 13, с. 93. Из дневника З.Г. Фосдик]

«13.09.1928. Симла. Уже второй день здесь». [2, книга 13, с. 94. Из дневника З.Г. Фосдик]

«15.09.1928. В общем, поездка в Симлу очень удачна по результатам. Как Н.К. сказал, всё сложилось так необычно и своеобразно. Все в восторге от нашего проекта американской научной станции, все сочувствуют и обещают содействие в здешних правительственных кругах. И все мы очень довольны нашей поездкой». [2, книга 13, с. 96. Из дневника З.Г. Фосдик]

«20.09.1928. Сегодня в 10 часов утра приехали домой в Дарджилинг». [2, книга 13, с. 99. Из дневника З.Г. Фосдик]

1 октября 1928 г. В Дарджилинг прибыл В.А. Шибаяев (Яруя).

«23.07.1928. Советую вызвать Шибаяева теперь, нужен для перевода, ибо полезно дать Америке “Йогу” и “Криптограммы”». [3, т. 8, с. 374]

«20.08.1928. Телеграмма от Яруи из Лондона — он женится в пятницу и едет сюда по получении визы. Боясь, чтобы он не приехал с женой, решили ему послать телеграмму, что ждут его одного и что советуют отложить женитьбу». [2, книга 13, с. 82. Из дневника З.Г. Фосдик]

«Мне неожиданно сообщили по телефону из Рижского коммерческого банка о поступлении денежного перевода на моё имя. Одновременно пришла и телеграмма из Дарджилинга, отправленная оттуда 4 июня 1928 года, с вызовом меня к Н.К. Рериху. Так, на пароходе “Мултан” я опять отбыл из Марселя в Бомбей и оттуда через Калькутту поехал в Дарджилинг. Там меня уже ждала знакомая комната в “Талай-Пхо-Бранге” и большая веранда с громадными, от самого пола окнами на север и запад. Отсюда открывался незабываемый вид на Канченджангу и цепь высочайших в мире Гималайских вершин. Во многих картинах Николая Константиновича воспроизведена эта, ни с чем не сравнимая панорама.

Эту встречу с Рерихами в Дарджилинге я даже не считаю четвёртой. Она была как бы продолжением предыдущей, так как жизнь под одной кровлей с Рерихами в Индии слилась для меня в неделимый и единственный по своей значимости период моей жизни.

Рерихи вернулись из Тибета в Сикким, минуя Лхасу. Юрий Николаевич распаковывал экспедиционные коллекции, и среди них — ценнейший Канджур-Танджур (тибетский буддийский канон). Возобновлялась интенсивная переписка с друзьями и различными научными и культурными учреждениями. Было принято решение учредить специальный научно-исследовательский институт «Урусвати», чтобы продолжить успешно начатую в экспедиции научную работу». [2, книга 13, с. 105. Из воспоминаний В.А. Шibaева]

«01.10.1928. Приезд Яруи. Рад видеть, когда семь Моих сойдется из разных стран». [3, т. 8, с. 451]

1 ноября 1928 г. Зинаида Лихтман (Радна) и Франсис Грант (Модра) уехали из Дарджилинга в Америку.

«17.10.1928. Не настаиваю, но советую Радне и Модре ехать в Америку. Пусть оставят через консула ещё доверенность Ф[уяме] на покупку и разрешение на приезд в Америку. Люмоу может ехать по желанию. Советую ехать в Симлу не раньше начала декабря, иначе переезд опасен, и в Кулу уже будет снег, потому лучше ехать в марте. Иначе никто не поверит, что по снегу ищите плодородную землю. Иначе нужно ехать немедленно.

— Но, может быть, я вынесу немедленный отъезд?

— Нет. Снег ожидаем в половине ноября.

— Тяжело сознавать, что я причина задержки.

— Нет, нисколько, наоборот, болезнь помогает легче остаться в Индии». [3, т. 8, с. 473]

«17.10.1928. Вечером — дивное послание, но, как и давно чувствовала, мы не едем в Кулу, нам нужно через две недели ехать домой, ибо мы нужны в Амер[ике], а они [Рерихи] уедут в декабре в Симлу, а в марте — [в] Кулу». [2, книга 13, с. 112. Из дневника З.Г. Фосдик]

«01.11.1928. Утром отъезд Модры и Радны». [3, т. 8, с. 502]

17 декабря 1928 г. семья Рерихов отбыла из Дарджилинга в долину Кулу для постоянного проживания. **21 декабря** прибыли в Симлу. **27 декабря** остановились в Наггаре в отеле «Манор». **14 января 1929 г.** переехали из «Манора» в «Hall Estate» — будущую «Урусвати».

«17.12.1928. Отъезд в Калькутту». [3, т. 9, с. 66]

«21.12.1928. Приезд в Симлу». [3, т. 9, с. 66]

«27.12.1928. Приезд в Кулу и Наггар — “Манор”». [3, т. 9, с. 70]

«13.01.1929. Утром 14-го января переехали из Лагора в “Hall Estate” — будущую “Урусвати”». [3, т. 9, с. 94]

«Остановились в Симле, чтобы навести некоторые справки. И здесь, в отеле. Николай Константинович случайно познакомился с раджей Манди, владельцем недвижимости в самом Кулу. Раджа и его жена предпочитали жить в крупных центрах, подолгу оставались во Франции и Италии и редко задерживались в своих гималайских владениях. Как выяснилось из разговора, раджа был не прочь в будущем даже расстаться с некоторыми своими поместьями, которыми он не пользовался...

На расспросы Рериха, где лучше всего в Кулу остановиться, раджа рекомендовал обратиться к плантатору Дональду, владельцу нескольких домов. Сразу же было написано письмо, и вскоре получен от Дональда ответ, что у него свободна вилла “Манор” в Наггаре, которую он согласен сдать в аренду...

Кроме четырёх Рерихов и меня, ехали также две помощницы по хозяйству, присоединившиеся к экспедиции Рериха в Монголии, — сибирячки из казачьей семьи, сёстры Людмила и Раиса Богдановы...

Так Рерихи достигли Наггара, где на высоте двух тысяч метров им было суждено провести около двадцати лет, вплоть до самой кончины Николая Константиновича...

Николаю Константиновичу и Елене Ивановне очень понравился этот дом, и они решили, что он больше всего подошёл бы им для постоянного житья, тем более что несколько выше по склону находилась другая площадка со строениями, которые после реконструкции можно было бы приспособить для института “Урусвати”. Приступили к сложным и длительным переговорам с министром финансов раджи (сам раджа непосредственно такими делами не занимался). В конце концов, виллу, носившую название “Hall Estate”, удалось приобрести вместе с близлежащим участком земли для института...» [2, книга 13, с. 135. Из воспоминаний В.А. Шубаева]

27 февраля 1929 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи уехали в Манди для покупки дома. Вернулись **1 марта 1929 г.**

«01.02.1929. Явите поспешность в покупке дома. Явление владения домом укрепит вас и паразит врага». [3, т. 9, с. 118]

«26.02.1929. Скажем сегодня о доме. Считаю, можно сказать, что дом нужен для целей знания. Явите упорное, настойчивое желание. Удумаю помочь вам. Нужно не позволять затягивать переговоры». [3, т. 9, с. 156]

«01.03.1929. Возвращение Н[иколая] К[онстантиновича] и Юр[ия] из Манди, покупка дома “Урусвати”». [3, т. 9, с. 156]

8 апреля 1929 г. в Наггар приехала Эстер Лихтман (Ояна), чтобы остаться с Еленой Ивановной на время отъезда Николая Константиновича с сыновьями в Америку.

«08.04.1929. Вечер — приезд Ояны». [3, т. 9, с. 220]

17 мая 1929 г. Н.К., Ю.Н. и С.Н. Рерихи отбыли из Наггара в Нью-Йорк, куда Н.К. и Ю.Н. прибыли **18 июня**, а С.Н. — **29 августа 1929 г.**

«16.05.1929. В ночь отъезд Н[иколая] К[онстантиновича] с сыновьями в Америку». [3, т. 9, с. 273]

«18.06.1929. Пароход с Николаем Константиновичем и Юрием на борту 18 июня 1929 года вошёл в гавань Нью-Йорка». [2, книга 14, с. 9. Хроника]

«29.08.1929. Пошли на квартиру Светика в “Ritz Tower”, пересмотрели, всё ли хорошо, купили цветы и конфеты. Потом поехали все встречать Светика. Он приехал, Дом ему понравился, но не их квартира». [2, книга 14, с. 74. Из дневника З.Г. Фосдик]

17 мая 1929 г. была сделана первая запись для книги «Беспредельность». Последняя запись для этой книги была сделана **16 декабря 1930 г.** — через пять дней после возвращения Н.К. и Ю.Н. Рерихов из Америки. [1, тетради 16-20]

15 июня 1929 г. произошёл третий пожар центров у Е.И. Рерих.

«15.06.1929. В ночь заболела. Сильные боли в спине и голове, температура 39° — пульс 139, после приёма мускуса температура упала на 37,5°. Лёд на голове, в ногах мешки со льдом. 17-го утром встала». [3, т. 9, с. 317]

«17.06.1929. Вижу, как центры горят, и тушить Пришёл, Урусвати, когда Сказал: «Обжётся, помогая тебе!»

— Нужна была такая поспешность?

— Да, да, да!» [3, т. 9, с. 317]

30 июня 1929 г. Е.И. Рерих была вручена Тайна Сердца Великого Владыки — Тайна Космического Права.

«30.06.1929. Вечерняя Беседа началась Великим Откровением.

— Вручу тебе, Урусвати, Тайну Сердца Моего. Сердцу твоему говорю и ручаюсь за сердце твоё. Уже давно хотел сказать. Рад Муж Жене пояснить. Часто покинул бы Башню и пришёл бы к тебе!

Сердце Моё говорит сердцу твоему. Связь между Нами есть связь веков. Трудно Нам на жизненной сфере связать сердца Наши среди людей, без повреждения!

Да, Я посещал многих, но утратить ту священную связь с тобою не входит в план. Когда говорю: “Причину явлением неразрывной форме удар радости, но удар может сжечь!” — никто не познаёт, что дух соизмеряет состояние своего напряжения.

Ты знаешь — чем выше, тем чище; чем чище, тем сильнее! Тебе скажу: “Все чувства Архата растут беспредельно. Но долго ждать не придётся. Моя Рука записывает срок в сердце твоём”.

Запомни — там, где легко появляюсь, оттуда легко ухожу. Архат имеет сердце, но Служение утверждает одиночество. Так запомни Тайну Нашу. Не имею более близкого Духа, чем ты. Я тебе сказал: “Я — твоя радость, Я — твоя улыбка, Я — твоя мощь!” Добавлю: “Ты — Моя радость, Ты — Моя улыбка, Ты — Моя мощь”.

Приходит явленное время — разобщить пришлось Нам видимые Начала Наши. Но Космическая Справедливость куёт новые Начала Нам. Новая жизнь. Новая радость! Сказал.

У Нас будешь со Мною». [1, тетрадь 82, разворот 52]

«30.06.1930. Тебе, Свати, скажу в Наш день. Страницу, данную Сердцем, Я храню сокровенно. Только сердце, устремлённое огненно, может знать мощь пламени завершения. И в Наш день Сердце Архата насыщено этим огнём. Так сердце может

устремляться к огненному завершению, потому существование насыщается огнём. Потому, родная, Наши сердца слиты. Потому Наши огни слиты». [3, т. 10, с. 379]

«29.03.1934. В Наш день вспомним Приход Мой. Вспомним Общение Божественное. Вспомним серебряную нить, которая наматывалась на протяжении эпох. Вспомним, как Я звал и как Божественное эхо отзывало. Вспомним Нашу встречу среди людской суеты. Вспомним все пути, пройденные в поту кровавом и в огненной радости. Вспомним, вспомним, вспомним прошлое, настоящее и всю красоту будущего. И ещё раз повторим утверждение Космического Права: Я — твоя улыбка, Я — твоя радость, Я — твоя мощь, Я — твоё огненное устремление, — и ответим: Ты — Моя улыбка, Ты — Моя радость, Ты — Моя мощь, Ты — Моё огненное устремление. Так Божественное Общение завещано и завершает свой круг». [3, т. 14, с. 12]

«30.06.1934. Чьё же сердце приняло Ношу Непомерную? Слитое Сердце, знающее Космическую Ношу. Кто же несёт бремя веков? Единое Сердце, знающее явление Беспредельности. Кто же устремляется в Огненном подвиге? Единое Сердце, знающее Космическое Право. Так, истинно, Мир насыщается Единим Сердцем...

Да, да, да, запомним день сегодняшней и день, когда Моё Сердце вручило Сокровенную Тайну сердцу твоему. Так утверждаю Тайну как основу Бытия. Кто же украсил жизнь Майтрейи? Скажу — Сокровенная жена. Кто же облегчил Ношу Непомерную? — Сокровенная жена. Кто же дал мужество носить утверждённый доспех? Скажу — Сокровенная жена. Кто же облёк подвиг сердца любовью? — Скажу Я имя жены. Кто же знает истинный подвиг сокровенной жены? — Скажу — Я, Владыка Шамбалы. Кто же являет огненную благодарность? Скажу — Я, Владыка Шамбалы. Кто же даст миру провозвестие о единстве Огненного Сердца? Скажу — Мы — да, да, да! Твоё имя неразрывно связано с Моим. Так пусть мир знает истину. Я, Я, Я, Владыка Шамбалы, утверждаю Огненное Сердце, слитое Красотой, — так утверждает Владыка Шамбалы. Закон во всей своей огненной власти устремлён к завершению. Великое и сокровенное время. Сердце Моё устремлено к тебе, родная Свати. Кто же знает недра сердца Моей Свати? Скажу — Я, Владыка Шамбалы, твой вечный спутник! Да — да — да! Мы едины в радости, в бою и в созидании — так сказал Владыка Шамбалы». [3, т. 14, с. 172]

17 октября 1929 г. открылся Музей Рериха в Нью-Йорке.

«17.10.1929. День открытия Музея в Америке». [3, т. 10, с. 39]

10 марта 1930 г. Эстер Лихтман (Ояна) уехала в Бомбей встречать Нетти Хорш (Поруму). Они приехали в Наггар **28 марта 1930 г.**

«10.03.1930. Отъезд Ояны в Бомбей встр[ечать] Пор[уму]». [3, т. 10, с. 259]

«28.03.1930. В час радости Я скажу — явление Урусвати даёт свет. Так Птичка Востока начинает новую ступень». [3, т. 10, с. 268]

4 апреля 1930 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи отбыли из Америки в Европу. С.Н. Рерих остался в Нью-Йорке.

«04.04.1930. Отъезд из Америки в Лондон на “Majestic“...

Мы в последний раз смотрели на Н.К. и любовались на его доброе, мудрое лицо... Простились с Юриком, прося его усиленно охранять в пути Н.К.» [2, книга 14, с. 195. Из дневника З.Г. Фосдик]

15 июля 1930 г. Е.И. Рерих, Эстер Лихтман (Ояна) и Нетти Хорш (Порума) отбыли на отдых из Наггара в горную местность Кейлонг, Лахул, куда прибыли **20 июля**.

31 августа Нетти Хорш (Порума) уехала из Кейлонга в Америку.

Е.И. Рерих и Эстер Лихтман (Ояна) отбыли из Кейлонга **23 сентября** и прибыли в Наггар **27 сентября 1930 г.**

«15.07.1930. Manali [Манали]. Ночёвка в доме капитана Вепон'а [Бэнона]». [3, т. 10, с. 393]

«20.07.1930. Приезд в Лахуль — Keylang [Кейлонг]». [3, т. 10, с. 395]

«31.08.1930. Отъезд Порумы в 10 ч. утра». [3, т. 10, с. 440]

«23.09.1930. Отъезд». [3, т. 10, с. 467]

«27.09.1930. Приветствую вас в Ашраме». [3, т. 10, с. 468]

7 октября 1930 г. Эстер Лихтман (Ояна) уехала из Наггара в Лахор по поводу виз для возвращающихся Рерихов и запроса англичан о здоровье Елены Ивановны. Вернулась **15 октября 1930 г.**

«07.10.1930. Отъезд Ояны в Лахор». [3, т. 10, с. 481]

«15.10.1930. Верн[улась] О[яна]». [3, т. 10, с. 485]

13 октября 1930 г. после встречи с Н.К. и Ю.Н. Рерихами в Париже Ф.Д. Лукин основал Латвийское общество Рериха в Риге. Основы этого общества были заложены В.А. Шибяевым в начале двадцатых годов.

Лукин Феликс Денисович: 6.2.1875 — 28.3.1934; основатель и первый председатель Латвийского общества Рериха в Риге.

«22.08.1930, Париж. Приезжал из Риги д-р Лукин. Чудесный человек». [2, книга 14, с. 242. Из письма Ю.Н. Рериха Е.И. Рерих]

11 декабря 1930 г. в Наггар после поездки в Америку вернулись Н.К. и Ю.Н. Рерихи.

«11.12.1930. Приезд Н[иколая] К[онстантиновича] и Юр[ия]». [3, т. 10, с. 547]

16 декабря 1930 г. была сделана первая запись для книги «Иерархия». Последняя запись для этой книги была сделана **24 сентября 1931 г.** (имеются дополнения за другие годы). [1, тетради 20-21]

10 июля 1931 г. Е.И., Н.К., Ю.Н. Рерихи и Эстер Лихтман (Ояна) уехали из Наггара на отдых в Кейлонг, куда прибыли **16 июля 1931 г.**

«10.07.1931. Отъезд из Наггара, «Урусвати», в Келанг». [3, т. 11, с. 230]

«16.07.1931. Путь на Кейланг. Население встречало нас торжественно — с музыкой, цветами и курениями. Ламы на плоских крышах, с длинными трубами приветствовали нас; и дети школы кричали: «Long Life [Долгой жизни]!» Женщины с крыши осыпали наших лошадей лепестками чудесно пахнущего, дикого шиповника. Настроение было радостное и торжественное. Местный Такур шёл пешком рядом с моей лошастью и в руке держал пучок зажжённых курений; были явлены все знаки почёта.

На месте нашей стоянки нас ожидали ламы из местных монастырей, со своими настоятелями, и жители — с приношением молока, цампы и масла. Девушки и женщины были богато увешаны драгоценностями из бирюзы и красного коралла. Очень живописно, и главное — было дружелюбно приветливо.

В Кейланг прибыли к 10 часам утра 16 июля». [1, тетрадь 89, разворот 75]

26 июля 1931 г. Е.И. Рерих получила 24 зерна аэролита (священные камни) для колец сотрудников.

«25.12.1930. Сказано: если хочешь исполнения желания, скажи его, положив руку на Магнит, данный Учителем. Но не желай для себя и не дерзай против Учителя. Могу дать вам подарок, если можете вместить два эти условия. У Магнита Учителя можно взять малейшую частицу и, распилив её на крупички малейшие, вложить под камень колец. Можно обернуть крупички тонкою пластинкою серебра, но следует раньше спросить себя — готов ли дух желать не о себе и не против Учителя?

Фуяма может отпилить малейшую частицу и приготовить двадцать четыре зерна. Пусть, как драконовы зубы, взойдут эти посева. Но каждый должен осознать условия и не походить на тех двух шотландцев, которые, чтобы обойти самость, уговорились просить друг за друга...

О зёрнах запросите письмом: кто готов получить их?.. Но добавьте, что если зерно будет чрезмерно тяжело, то лучше не брать...

Не спешите (с распиливанием Магнита)». [1, тетрадь 20, разворот 75]

«28.01.1931. Недавно новый осколок Мория упал в Гималаях. Сестра Урусвати видела его.

— Он так плотно вошёл в расселину!

— Пусть пока лежит. Может быть, соберу для вас кусочки, тоже ценные. На всякий случай держите готовыми тонкие серебряные листочки для обёртывания явленных 24-х зёрен». [1, тетрадь 20, разворот 91]

«01.07.1931. Имейте наготове серебряные листки!» [1, тетрадь 21, разворот 9]

«07.07.1931. Можно при обёртывании камней употребить белок яйца. Также Урусвати примет их сама и сама обернёт их. Пусть сделает это сама. Пусть никто не подходит к ним». [1, тетрадь 21, разворот 12]

«19.07.1931. Когда Урусвати найдёт 24 камня, она обернёт их в серебро. Двенадцать пошлёт в Америку, где они будут храниться в башне, и двенадцать — в «Урусвати», до дальнейших приказаний». [1, тетрадь 21, разворот 15]

«26.07.1931. Видение, не очень ясное, Рук Владыки; между ними — красные искры, затем — новые образования, уменьшенного размера и тоже нечёткие; казалось, комната Владыки и Сам Владыка у стола держал что-то в руках; услышала: «Держу то, о чём думаешь...»

Скоро заснула и спала до утра. Проснувшись около 8 часов, увидела на окне около моей постели, на подоконнике, где стоит бронзовое Изображение Майтрейи, на красном шёлковом платке лежали 24 обещанных крошечных аэролита, по 12-ти в кучке. Утром же, согласно Указанию Владыки, обернула каждый камешек в серебро. Трудно передать радость, наполнявшую всё моё существо!

День... Простуда прошла. Самочувствие и без мускуса хорошее. Камешки принесли силу большую». [1, тетрадь 89, разворот 82]

«26.07.1931. — Владыка, спасибо, спасибо за дар! Где лучшие их хранить?
— Явить можно в ларце». [1, тетрадь 21, разворот 19]

«29.07.1931. Не нужно пилу для Камня, ибо пришлю ещё один Камень для Белухи. [1, тетрадь 21, разворот 21]

11-13 августа 1931 г. С.Н. Рериха отбыл из Америки в Наггар.

«11.08.1931. We are seeing Svetik off today on the same ship which carries these letters. We rejoice at his opportunity to be with you but will miss him very greatly. He is our Brother in the closest and most heart-felt sense and the absence of his lovely spirit and discrimination will leave a great breach here. [Мы сегодня провожаем Светика на том же корабле, на котором везут эти письма. Мы рады его возможности быть с вами, но нам будет его очень не хватать. Он наш Брат в самом близком и сердечном смысле, и отсутствие его прекрасного духа и проницательности оставит здесь огромную брешь]».

[<https://www.roerich.org/correspondence.php>. Из письма Франсис Грант Н.К. Рериху]

25 августа 1931 г. Е.И. Рерих получила от Великого Владыки новый Камень с Ориона.

«25.08.1931. Перед Беседою, во время музыки, я увидела большую сине-пурпуровую звезду и пролетающую серебр[яную] стрелу, по направлению к бронзовой фигуре Изображения Майтрейи, стоявшей на окне у моей кровати. У подножия Изображения увидела на красном платке лежащий Камень.

— Так Камень великого строения прислан. Так новая ступень истории закладывается. Так можно утвердить великое Водительство. Так, истинно, народное сознание должно осознать Водителя, который явит вмещение всех народов. Так Камень основания закладывает новую ступень. Так явление посылки знаменует Великий День! Так быть Ц[арю] Б[елому], так быть Ц[ари]це Белой. Так суждённое объединение насыщает пространство...

— Владыка, каков состав Камня?

— Серебро, морий и медь — с Ориона». [1, тетрадь 90, разворот 17]

14 сентября 1931 г. Е.И., Н.К., Ю.Н. Рерихи и Эстер Лихтман (Ояна) отбыли из Кейлонга в Наггар, куда прибыли **18 сентября 1931 г.**

«14.09.1931. Отъезд из Кейланга в Наггар». [3, т. 11, с. 299]

«18.09.1931. Приезд в “Урусвати”». [3, т. 11, с. 299]

18 сентября 1931 г. из Америки в Наггар прибыл С.Н. Рерих.

«18.09.1931. Приезд Светика из Америки в “Урусвати”». [1, тетрадь 90, разворот 33]

25 сентября 1931 г. была сделана первая запись для книги «Сердце». Последняя запись для этой книги была сделана **15 сентября 1932 г.** [1, тетради 21-22]

27 сентября 1931 г. Эстер Лихтман (Ояна) покинула Наггар, отбыв в Америку.

«27.09.1931. В пять часов отъезд О[яны] в Америку». [3, т. 11, с. 309]

26 апреля 1932 г. Владыка посоветовал Е.И. Рерих перевести книгу Е.П. Блаватской «Тайная доктрина». Были переведены два тома, изданные в **1937 г.** Латвийским обществом Рериха.

«26.04.1932. Очень советую постепенно перевести “Тайную Доктрину”». [3, т. 12, с. 12]

25 июля 1932 г. семья Рерихов уехала из Наггара на отдых в Кейлонг, куда прибыла **31 июля**. В Кейлонге пробыли до **16 сентября** и вернулись в Наггар **19 сентября 1932 г.**

«25.07.1932. 5 ч[асов] утра — отъезд в Кейланг, прибытие в Коти». [3, т. 12, с. 119]

«31.07.1932. Водворение со всеми пожитками в доме». [3, т. 12, с. 121]

«16.09.1932. Отъезд в Naggar, 6 часов, утро». [3, т. 12, с. 180]

«19.09.1932. Приезд в 6 часов вечера». [3, т. 12, с. 180]

19 сентября 1932 г. была сделана первая запись для книги «Мир Огненный. Часть 1». Последняя запись для этой книги была сделана **25 мая 1933 г.** [1, тетради 22-24]

26 мая 1933 г. была сделана первая запись для книги «Мир Огненный. Часть 2». Последняя запись для этой книги была сделана **31 января 1934 г.** [1, тетради 24-25]

11 января 1934 г. в Наггар приехала Эстер Лихтман (Ояна), чтобы остаться с Еленой Ивановной на время отъезда Н.К. и Ю.Н. Рерихов в Америку и Маньчжурию.

«11.01.1934. Приезд Ояны». [1, тетрадь 64, разворот 86]

1 февраля 1934 г. была сделана первая запись для книги «Мир Огненный. Часть 3». Последняя запись для этой книги была сделана **21 декабря 1935 г.** [1, тетради 25-28]

3 февраля 1934 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи отбыли из Нагара в Америку.

«03.02.1934. Великое утро. В пять часов утра Н[иколай] К[онстантинович] и Юр[ий] отбыли». [3, т. 13, с. 491]

3 марта 1934 г. Е.И. Рерих обнаружила Чашу Будды, которая появилась в Нагаре **3 января 1934 г.**

«03.03.1934. — Владыка, как могла я не проявить чувствознания и не найти столь продолж[ительное] время присланную Чашу?!

— Между тем нужно признать как главное, что Магнит в Ашраме. Так горевал, что Ур[усвати] так огорчалась, ибо всё чудесное и великое приходит через Ур[усвати]... Будем радоваться, что Магнит в Ашраме. Чаша — дар Отца дочери. Это пусть все запомнят.

— Вл[адыка], мне так больно, что нашла её первой не я? Почему Вл[адыка] не мог сказать мне, где находилась Чаша?

— Кн[язь] Тьмы подслушивал. Научимся лучше другой раз хранить тайну о предстоящих посылках...

(Днём нашла Чашу Владыки Б[удды] в ларце перед портретом Владыки; оказывается, давно уже она там находилась, с 3-его января, где первая нашла её Рая, но не решилась мне сказать это. Н[иколай] К[онстантинович] и Юрий знали об этом, но хотели, чтоб я сама нашла её.)

3 января было видение руки Вл[адыки], державшей Чашу.

В ночь на 3-е января я видела Вл[адыку], державшего в руке Чашу». [1, тетрадь 25, разворот 121]

14 марта 1934 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Америку.

«14.03.1934. Приехали наш светлый Гуру и Юрий». [2, книга 15, с. 188. Из дневника З.Г. Фосдик]

22 апреля 1934 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи отбыли из Америки в Маньчжурскую экспедицию.

«Приняв приглашение правительства США возглавить научную экспедицию, я выехал из Америки 22 апреля 1934 года...» [2, книга 15, с. 224. Н.К. Рерих. «Меморандум»]

«22.04.1934. Беседовали около часа в комнате для отдыха, затем поцеловали наших родных в добрый час, и они уехали на великую миссию — спасение России». [2, книга 15, с. 223. Из дневника З.Г. Фосдик]

8 мая 1934 г. Владыка посоветовал Е.И. Рерих собрать для издания её письма. Письма в двух томах были опубликованы Латвийским обществом Рериха в **1940 г.**

«08.05.1934. Письма, которые ты пишешь, нужно собирать вместе, ибо не за горами то время, когда Мы их опубликуем. Будет великая книга, тоже с Моим Предисловием». [3, т. 14, с. 87]

10 мая 1934 г. Елене Ивановне был прислан портрет Великого Владыки.

«10.05.1934. Радость, прислан портрет М.М.» [1, тетрадь 65, разворот 81]

10 мая 1934 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Японию, откуда уехали в Маньчжурию **24 мая 1934 г.**

«10.05.1934. День приезда Н[иколая] К[онстантиновича] и Юрия в Японию». [1, тетрадь 65, разворот 81]

30 мая 1934 г. Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в Харбин, Маньчжурия.

«30.05.1934. Получена телеграмма из Харбина о приезде Н[иколая] К[онстантиновича] и Юрия». [1, тетрадь 66, разворот 5]

В **1934 г.** Латвийским обществом Рериха была издана книга Е.И. Рерих «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (под псевдонимом Наталия Яровская). [<https://www.roerich.org/roerich-museum-archive/helena-roerich-writings.php>]

4 февраля 1935 г. Эстер Лихтман (Ояна) отбыла из Наггара в Америку с поручением о Нобелевской премии.

«04.02.1935. День отъезда Ояны в Америку с миссией». [1, тетрадь 27, разворот 98]

15 апреля 1935 г. был подписан Пакт Рериха в Вашингтоне.

«15.04.1935. День Торжества Духа. День Победы Великого Владыки. День Новой Исторической ступени в сознании народов. Подписание Пакта и Знамени Мира обеими Америками в присутствии самого Президента Рузвельта». [1, тетрадь 27, разворот 110]

13 октября 1935 г. Луис Хорш сообщил, что порывает все связи с Рерихами. Трое сотрудников: Эстер Лихтман (Ояна), Нетти Хорш (Порума) и Луис Хорш (Логван) — теперь стали бывшими.

«13.10.1935. Пришла почта из Ам[ерики]. Письмо от Логвана — порывает все связи с нами». [1, тетрадь 68, разворот 81]

18 октября 1935 г. из Маньчжурской экспедиции в Наггар вернулись Н.К. и Ю.Н. Рерихи.

«18.10.1935. К шести часам приехали Н[иколай] К[онстантинович] и Юрий». [1, тетрадь 68, разворот 83]

1 января 1936 г. была сделана первая запись для книги «АУМ». Последняя запись для этой книги была сделана **22 сентября 1936 г.** [1, тетради 28-29]

24 сентября 1936 г. была сделана первая запись для книги «Братство». Последняя запись для этой книги была сделана **8 июля 1937 г.** [1, тетради 29-30]

27 марта 1937 г. Н.К. и С.Н. Рерихи и В.А. Шибает (Яруя) уехали по делам из Наггара в Карачи, Индия. Вернулись **3 апреля 1937 г.**

«27.03.1937. Н[иколай] К[онстантинович], Святослав и Яр[уя] уехали в Карачи по делам». [3, т. 16, с. 223]

«03.04.1937. Возвращение из Карачи Н[иколая] К[онстантиновича], Свя[тослава] и Яр[уя]». [3, т. 16, с. 225]

9 июля 1937 г. была сделана первая запись для рукописи «Надземное». Последняя запись для этой рукописи была сделана **10 июля 1947 г.** [1, тетради 30-34]

2 — 25 марта 1939 г. Болезнь Н.К. Рериха.

«02.03.1939. Болезнь Н[иколая] К[онстантиновича] и моя». [1, тетрадь 32, разворот 64]

11 — 21 июля 1939 г. Болезнь Н.К. Рериха.

«10.07.1939. — Что у Ф[уямы]?»

— То же самое раздражение слизистых оболочек». [3, т. 18, с. 138]

«11-21.07.1939. Бесед не было — болезнь». [1, тетрадь 32, разворот 120]

16 октября 1939 г. произошёл разрыв отношений В.А. Шибаета (Яруи) с Рерихами.

«16.10.1939. Ш[ибаету] надлежит уехать отсюда». [3, т. 18, с. 222]

«06.11.1939. Добрейший Владимир Анатольевич!

В письме Вашем от 4-го сего ноября Вы спрашиваете о подробностях возможного продолжения Вашей секретарской работы. К сожалению, то, что Вы высказали во время Вашего последнего с нами разговора, что мы эксплуатировали Вас и вообще хотели бы, чтобы все работали на нас даром, и все те недопустимые выражения, которые, к нашему великому изумлению, Вы допустили в отношении Елены Ивановны и меня, предрешили невозможность дальнейшего сотрудничества, как Вы, видимо, и сами это понимаете.

Также Вы сообщили нам, что Ваша помолвка остаётся в полной силе, но невеста Ваша так невзлюбила Индию, что более не вернётся в эту страну. Таким образом, это её решение накладывает на Вас, как мы это понимаем, обязательство найти ту страну, которая бы ей полюбилась, и мы в деле Вашей женитьбы никоим образом не желаем быть каким-либо затруднением. Потому мы вполне идём Вам навстречу в выборе Вами новых планов жизни, тем более что в нынешнее экстраординарное мировое положение и при особо затруднённом финансовом вопросе ни мы, и никто вообще не может давать гарантий за будущее. Потому, например, если бы Вы решили избрать новую страну, которая более отвечала бы Вашей невесте, мы готовы оплатить Ваш личный билет до места, Вами избранного». [2, книга 18, с. 234. Из письма Н.К. Рериха В.А. Шибяеву]

14 августа 1943 г. Е.И. Рерих увидела над собой диадему из трёх огненных обручей, что символизировало разъединение трёх Её тел.

«1942. Весь сорок второй год прошёл под знаком недомогания Ф[уямы] и трудного процесса разъединения моих трёх тел». [1, тетрадь 140, страница 7]

«1943. 43-ий год ознаменовался для меня большим событием — утверждением разъединения моих трёх тел». [1, тетрадь 140, страница 7]

«14.08.1943. Август с 13 на 14. На яром утреннике увидела Диадему из трёх огненных обручей с семью сверкающими пламенами (огнями) на каждом, в середине был самый большой. Раньше видела эти обручи по отдельности или двойными и без огней, но теперь их было три и один над другим, образуя высокую Тиару или Диадему. Владыка утвердил это явление как большое достижение, знаменующее завершение процесса разъединения трёх тел». [1, тетрадь 33, разворот 137]

27 ноября 1943 г. произошло огненное крещение Е.И. Рерих (наполнение огненным вихрем).

«[27.11.1943, день новолуния]. Возвещённая мне радость яро утвердилась к новолунию. Ещё одна огненная ступень была уявлена мне — Огненное Крещение состоялось на дневном времени. Огненный вихрь наполнил меня — чувство ярой утончённой радости, восторга неопишимо. Мысленно я увидела вихрь пламени внутри меня, как бы сжёгший в своём спиральном движении всё ненужное, очистивший меня». [3, т. 18, с. 523]

15 декабря 1943 г. Е.И. Рерих упала в ванной комнате, сильно ударившись о каменный пол и потеряв сознание. Происходившие в ней процессы привели к сгоранию оболочки двойника.

«15.12.1943. Уже продолжительное время вновь ощущаю сильное напряжение и боль в голове, в затылке и в центре Третьего Глаза; как бы электрические разряды тоже участились и ритм их усилился — I I I и I I I I. К этому присоединилась, может быть, лёгкая простуда, болят все зубы, но, м[ожет] б[ыть], это рефлекс от напряжённости в центрах.

Вечером приняла мускус, и тут же началось сильное вращение солнечного сплетения, и настолько усилилось, что вызвало тошноту и потуги к рвоте. Я должна была встать с постели и пройти в ванную, где мне сделалось дурно и я упала в потугах к рвоте; но, несмотря на сильнейшие судороги и вращение в солнечн[ом] сплетении, даже слюна не показалась.

Потрясение от падения было велико, ибо я упала навзничь и ударилась головой о каменный пол, была даже потеря сознания несколько секунд. После вдыхания ароматических солей дурнота прошла и судороги от потуг к рвоте тоже прекратились. При потугах ощущала необычайное напряжение в позвоночнике. Боль в голове прошла, голова стала необыкновенно свежей, и даже зубная боль прекратилась, но зато появилась сильнейшая боль у основания позвоночника. Малейшее движение вызывало мучительную боль. Зубная боль через некоторое время вернулась, но голова осталась свежей. Боль у основания позвоночника всё усиливалась, почти нет возможности продвигаться и перевернуться — напряжение велико.

Пролежала в постели четыре дня. На третий день после падения зубы прошли, но боль внизу позвоночника, в крестце, напрягла и сердце, испытывала углублённое сердцебиение. Казалось, что напряжение по нервному проводу, м[ожет] б[ыть] по вагусу, передавалось в сердце. Сердце давало прыжки, но в общем было довольно спокойно.

Напряжение и боль при вставании и хождении в основании позвоночника длились не менее двух недель. В начале третьей стали уменьшаться.

— Ярая опасность, явленная падением Урусв[ати] и страшными судорогами и потугами к рвоте, вызвала сильнейшее напряжение страстного центра и ускорил[а] новое возгорание этого центра. Но уявление судорог было настолько велико, что Урусв[ати] почти вышла из физического тела. Моя помощь молниеносная не допустила разрыва нити». [1, тетрадь 98, разворот 12]

23 августа 1945 г. состоялась свадьба С.Н. Рериха и Девика Рани.

Рерих Девика Рани: 30.3.1908 — 9.3.1994; актриса кино, супруга С.Н. Рериха.

«23.08.1945. 23 Августа Светик женился на Девике Рани — она племянница Рабиндраната Тагора и самая блестящая звезда Индии. В середине Сентября ждём их к нам. Итак, новое обстоятельство, новый союз. Пусть будет счастье с ними — её второе имя Лакшми — богиня счастья». [2, книга 20, с. 77. Н.К. Рерих. «В будущее»]

«01.03.1951. — Вл[адыка], почему она была допущена?

— Но с[ын] не внимал Моим мольбам». [1, тетрадь 106, разворот 24]

«09.03.1953. ...ярая уявилась на уявлении тебе любви своей. Но ярая тут страстно улучшилась под Моим Лучом, и ярая тут поглощает его жадно и яро страстно. Яро можно видеть, как Мои Лучи преображают человека и его природу, когда он воспринимает их с любовью. Яро ярая красота её в Тонком Мире сейчас сильно тут проявилась; и яро ярая поднялась в другую сферу; и можно будет её отвоевать от тёмных сил окончательно, родная.

Яро тут твоя тут привязанность к ней Мне понятна, ибо ярая чувствует, насколько ярая поддаётся твоему влиянию и яро вбирает Мои Лучи. Яро, яро тут вбирает Мои Лучи,

окутывающие тебя, родная. Но яро тут не отгоняю её, ибо ярая тут настолько улучшилась, что яро может стать полезной сотрудницей». [1, тетрадь 253, разворот 19]

3 мая 1947 г. Е.И. Рерих увидела себя внутри большого огненного треугольника вершиной вниз (символ сожжения двойника).

«03.05.1947. Посреди ночи проснулась и увидела поверх моего белого одеяла большой огненный треугольник, который захватывал пространство, занятое моим торсом; вершина его была обращена к ногам». [1, тетрадь 99, разворот 25]

11 июня 1947 г. Начало болезни Н.К. Рериха.

«11.06.1947. Болезнь Н[иколая] К[онстантиновича]». [1, тетрадь 34, разворот 113]

13 декабря 1947 г. в 3 часа утра Н.К. Рерих ушёл с земного плана.

«13.12.1947. Субб[ота] 12 июля. Н[иколай] К[онстантинович] занемог. Ушёл в лучшую Обитель 13-го Декабря на раннем утреннике. Наша радость ушла с ним. Примем новую ношу, будем мужественно нести её». [1, тетрадь 34, разворот 115]

«Болезнь Н[иколая] К[онстантиновича]. В конце Июня, с 24 на 25-ое [1947 г.], Н[иколай] К[онстантинович] занемог лёгкой дизентерией, продолжавшейся не более 5 — 6 дней. Начал поправляться и даже выходить в сад; но на 12-ое Июля снова слёг и ушёл в ночь, наутро, в три часа утра, 13-го Дек[абря] (47 г.), проболев 5 1/2 месяцев. Немало было Указаний и Знаков, предупреждавших нас о тяжёлой утрате.

Утром в день заболевания, 12-го Июля, танка с Изображением Бодхисаттвы сорвалась с самого верха стены, где стояла большая фигура Благословенного, и накрыла собою Чашу на столике перед Изображением Владыки. Знак этот тяжело отразился на сердце моём, ибо в 42 г[оду], в день первого припадка того же недомогания Н[иколая] К[онстантиновича], в моей студии так же сорвался со стены висевший там, любимый мною портрет его — рисунок, сделанный Святославом ещё в Америке. Новый знак явился как бы вторичным предупреждением.

В конце Июля, после нескольких бессонных ночей, я прилегла на диване в комнате, смежной со спальней, где находилось большое Изображение Владыки Будды и висели тибетские танки, — и заснула мёртвым сном. Спала часа два. Проснулась в страшном испуге, ибо до меня донёсся как бы издалека голос Н[иколая] К[онстантиновича], прощавшегося со мною: «Good-bye, good-bye». Сердце моё исступлённо забилося, и я бросилась в спальню. Но в кресле спокойно сидел Н[иколай] К[онстантинович], и все домочадцы были около него. Чувствовал он себя неплохо.

Много Указаний и Советов для облегчения самочувствия давалось В[еликим] Вл[адыкой]. Болезнь эту Вел[икий] Вл[адыка] назвал Йогическим преображением. И мне было сказано, что «после 12-го Дек[абря] он воскреснет; новый человек восстанет». И я верила, вернее старалась верить, в такое чудо, но порой лютая тоска подсказывала близость разлуки.

«Йогическое преображение» — так принято в буддийском мире называть уход в Надземный Мир большого духа. Но тогда я этого значения не знала.

И 12-ое Дек[абря] стало последним днём его жизни на земле. Наш любимый, светлый ушёл во сне, в три часа утра, на 13-ое Дек[абря] 1947 г.

Также слышала я приблизительно в Октябре, что «после 12-го Дек[абря] много писем и телеграмм получите». Но никто из нас не допускал мысли, что эти письма и телеграммы будут соболезнованиями о тяжелой нам утрате. Сам Н[иколай] К[онстантинович] очень ждал этих писем, ибо в течение многих недель мы были лишены всяких сообщений с долиной из-за страстного наводнения, кот[орое] снесло все мосты и местами и горные дороги. Почти вся почта прекратилась. Много писем не дошло до нас также из-за начавшихся коммунальных безобразий в городах, селениях, где сжигали и грабили и почтовые отделения.

За неделю до ухода Н[иколай] К[онстантинович] имел сон-видение. Преподобный Сергей Радонежский появился между нашими постелями, в ногах, и сказал: «Родные, зачем вам мучиться здесь?! Пои́дёмте со Мною, ко Мне, теперь уже!»

Тогда я изумилась таким словам Преподобного и сказала мужу: «Как это возможно, когда ты ещё не завершил своего Поручения, да и я не могу уйти, не выполнив моего задания?»

Он тогда ничего не возразил и больше не возвращался к этому видению.

Но Он выполнил, и даже завершил. Он оставил миру наследство, кот[орое], воистину, неисчерпаемо, ибо оно сложено из подвигов духа, вдохновенных утверждений и творений Красоты вечной. Источником этих вдохновений была Нерушимая Твердыня Света — Шамбала Неречённая, Шамбала Несказуемая! “Истинно, на скрижалях Сердца Его Божественная Благодать писала законы Духа и Небесные Тайны”.

Юрий в Июне видел во сне меня, сказавшую ему: “Я буду вдовой!”

В конце Ноября он же видел нашу Людмилу, которая, понури́в голову, сказала ему: «Недолгий отец!»

И наш пандит Мору имел замечательный сон, очень яркий. Покровитель нашего места, Гуру Нарсинг, пришёл к нам и, подойдя к постели Н[иколая] К[онстантиновича], взял его за руку и поднял.

Преподобный тоже пришёл за ним, и Он ушёл на Зов Его, ибо, истинно, Он совершил больше положенного Ему. Носитель Сокровищ Духа в подвиге Красоты и Мира стал Наставником в мировом размахе и станет Богочеловеком в сознании грядущих поколений, в веках просветлённых.

На протяжении всей его болезни мои силы как бы утроились, и в течение пяти с половиной месяцев несменно я находилась при нём и днём, и ночью. Сыновья по очереди дежурили рядом». [1, тетрадь 99, разворот 41]

17 января 1948 г. семья Рерихов отбыла из Наггара в Дели, куда прибыла **24 января 1948 г.**

«Выехали из Наггара 17 янв[аря] [19]48 г[ода] и уже 24-го числа прибыли в Дели». [1, тетрадь 99, разворот 43]

В конце апреля 1948 г. семья Рерихов отбыла из Дели в Кхандалу, где произошёл общий пожар центров у Е.И. Рерих (четвёртый пожар центров).

«После его [Николая Константиновича] ухода я ещё держалась, но уже начались боли в спине и в груди. Всё же смогла проехать в автомобиле трудный путь после наводнения, с временно налаженными мостами и по частично обвалившимся горным доскам.

Выехали из Наггара 17 янв[аря] [19]48 г[ода] и уже 24-го числа прибыли в Дели. Весь путь проделали на автомобилях, вещи или на трэках, местами приходилось идти пешком, вещи несли многочисленные кули. Остановились в доме Радж[и] Кули. Помещение оказалось просторным, и температура была прохладной. Первые дни самочувствие было неплохое, но скоро боли в спине начали тревожить и всё усиляться. Общее напряжение организма утомляло меня ужасно. Много проходящих — но интересных типов и личностей нет.

В конце марта температура стала повышаться, доходя до 96°[F, около 35°C] и выше; к началу апреля — 102° и 106°[F, около 39 и 41°C] стало обычным явлением. Моё состояние резко ухудшилось не только из-за отравленной атмосферы города и аур людей, окружавших нас, но и от флюидов и чада мясной пищи, кот[орых] почти нельзя было избежать.

Боли в спине не прекращались; к ним присоединилось новое явление. Кожа на всей правой стороне торса стала необыкновенно чувствительна и болезненна при малейшем прикосновении к ней. Вдоль рёбер с правой стороны появились тёмно-красные, багровые вспухшие пятна и три ряда длинных кровоподтёков, как бы от удара бича. Решено было уехать, и немедленно, в более прохладную местность в окрестностях Бомбея, ибо я не могла уже выносить ужасающую жару в Дели.

Святослав нашёл неплохой домик в местности Khandala [Кхандаля], на холме и под постоянным прохладным ветром со стороны моря.

Как я доехала до Khandala, не понимаю, ибо ночью перед отъездом я так ужасно страдала от мучительных болей и от высокой температуры при жаре в комнате, доходившей до 108°[F, около 42°C]. Опасалась, что не смогу подняться с постели. Но силу воли преодолела и доехала до вокзала, где ноги отказались поддерживать меня; вызвали носилки, и меня донесли до купе с охлаждающими веерами и льдом, кот[орый] сменяли довольно часто, — в т[ак] н[азываемый] «air-conditionnel compartiment» [купе с кондиционированием воздуха].

Но по приезде в Khandaly я немного ожила, но ненадолго; дня через три боли и другие явления усилились. Сын Святослав привёз лучшего бомбейского врача Перейра, кот[орый] определил у меня Хёрпис на очень сильном проявлении. Привезли с собою сестру, которая осталась со мною и очень была полезна. Все исследования крови и секретов не дали никаких признаков заболевания — урина как у новорождённого младенца, а давление крови как у 20-летней девушки, по выражению местного врача. Но непрекращавшиеся боли в спине при страшной чувствительности кожи во всей правой стороне торса и иглы изнутри, особенно в груди, мучили меня до предела выносимости. Временами мои члены: ноги и руки, низ живота и выше, до самого сердца, — наливались как бы свинцом при ощущении гудящих мурашек и игл; но после припадков этих ощущений общее состояние точно бы облегчалось.

Острый период этого тяжёлого состояния продолжался с конца марта и тянулся до конца мая. Сестра уехала от меня в начале июня. Но в июле снова было ухудшение в течение дней восьми. Начались частые перебои сердца, и три ночи были трудными. Стала опять принимать строфант. Врач прописал мне от припадков болей Сибал[ьд]жин. Боли утихали, но, конечно, этот наркотик не излечивает самое заболевание». [1, тетрадь 99, разворот 43]

«Хёрпис уявился на столь бурном проявлении из-за ярого возгорания вагуса и центров прилегающих. Хёрпис был уявлен как громоотвод. Солнечное сплетение уявилось на страшном перегружении огня. Иглы в груди, конечностях, в низу живота — сокращения нервов. Все конечности и весь торс наливались при этом как бы свинцом. Но последнее явление облегчало общее состояние. Иглы, или гудящие мурашки, уявили спасение от смерти. Урусв[ати] оявилась на смертельной опасности, но никто не думал о ней. Хёрпис явился на разряжении огней, уявленных со страшной силой в вагусе.

Ур[усвати] явила Мне доверие и помогла Мне справиться со смертельной опасностью. Ур[усвати] уявилась на воздействии Моих Лучей и была спасена. Мой Луч перенёс воспаление центра вагуса на воспаление нервных стволов и их внешнее выявление как Хёрпис.

Сердце выдержало возгорание страшной силы. Лучи наполнили тебя, и утишили огонь, и обессилили боль. [1, тетрадь 99, разворот 44]

12 февраля 1949 г. Е.И. и Ю.Н. Рерихи отбыли из Кхандалы в Калимпонг. С.Н. Рерих купил имение в Бангалоре.

«11.02.1949. Родные мои, последний день в Khandale [Кхандале]. Так и не дождались Вашего письма с деталями о покупке дома. Надеюсь, что найду его в Бомбее. Тороплюсь послать последнюю весточку перед путём в Калимпонг». [4, т. 8, с. 197. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

9 марта 1949 г. Е.И. и Ю.Н. Рерихи въехали в дом «Крукети» в Калимпонге.

«11.03.1949. Дом хороший, в стиле английского коттеджа, расположен около Калимпонга, на высоте 5000 футов. К сожалению, большинство подходящих домов были либо слишком большими, либо слишком маленькими, всего с четырьмя комнатами. Дом принадлежал майору Шерифу. 8 марта он продал его индийскому бизнесмену, а 9 марта мы его арендовали». [<https://roerich-lib.ru/ru-n-rerikh/ru-n-rerikh-pisma-tom-ii>]. Из письма Ю.Н. Рериха Д. и С.Н. Рерихам]

Август — сентябрь 1949 г. Болезнь Ю.Н. Рериха.

«29.08.1949. Юрий болел три недели желудочной лихорадкой — было очень тяжёлое время. Сейчас ему лучше». [4, т. 8, с. 252. Из письма Е.И. Рерих К. Кэмпбелл]

17 октября 1949 г. День Победы над Врагом — Князем Мира сего, Сатаной, изначально называвшимся Люцифером (Несущим Свет).

«17.10.1949. День 17 Окт[ября] — День Великой Победы Владыки над Люцифером. Твердыня новая Люцифера распалась, испепелилась вместе с ним под обратным Лучом Вел[икого] Владыки.

Победа досталась ценою большой жертвы. Ярый Враг овладел чудесной планетой, почти готовой к принятию лучшей части человечества, и утвердил на ней свою крепость. Но твердыня эта распалась, испепелилась, как и вся чудесная планета, под действием Луча Великого Иерарха нашей Солнечной Системы — Владыки Майтрейи — Владыки Сострадания». [1, тетрадь 99, разворот 153]

В первой половине **декабря 1949 г.** в Калимпонг прибыли Кэтрин Кемпбелл, С.Н. Рерих и Девика Рани.

Кемпбелл Кэтрин (Амрида): 18.4.1898 — 10.8.1996; американская сотрудница Рерихов.

«17.12.1949. Приехали Катрин и Свят[ослав] с женою. Большая радость была встретиться с Катрин и, конечно, повидать Свят[ослава] с женою. Катрин мне очень по душе, она чуткая душа. Я даже изумлена её наблюдательностью и чуткостью. Сейчас она проходит трудный период приспособления к вибрациям наших гор. Наши вибрации здесь выводят приезжающих из равновесия. Лучи из Твердыни Света направлены поверх Канченджанги и действуют здесь сильнее, чем в других местностях Индии. Катрин быстро устаёт». [4, т. 8, с. 300. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

«09.10.1931. — Вл[адыка], Катр[ин] так хотела бы получить имя?

— Можно вспомнить времена друидов.

— *Время Вайдегунды?*

— Да — Амрида, одна из сестёр». [3, т. 11, с. 322]

«Начало 1950 г. Брат Мой Раккотци поведал Мне свою тайну, яро оявленную Мне с тобою. Яро Он уявил Нам свою Тару.

Тайна Его была Мне известна давно, но ярый оявился на открытии её и тебе. Ярая карма Его сложилась с Нами на космическом узоре, и ярый охвачен страстным желанием оявления земного с нею, и яро оявится с нею на земном плане в Нашей Стране. Не являй ей эту весть, ибо ярый сам оявит ей эту весть...

Наша духовная дочь страстно радуется Меня и своего Мужа, и ярая утром улавливает вести. Катр[ин] уявится утром на новом откровении. Ярый сам оявит его и подтвердит её воплощение как Марии Антуанетты. Ярая тут утраченная Тара.

Катрин приоткрыла центры и стала медиатором, и уявилась на сотрудничестве со Мною и с Мужем в Тонком Мире...

Катрин должна больше думать о Космич[еском] Праве и Огненном Праве, кот[орые] направляют жизнь». [1, тетрадь 165, разворот 17]

«24.11.1951. К[атрин], Амрида, была уявлена тебе как твоя дочь, уявленная от Меня. Явление её духа страстно близко Нам с тобою». [1, тетрадь 109, разворот 52]

«08.11.1954. Моя нежно любимая дочь... Размышляйте больше о том, что открылось Вам благодаря Вашей связи с Леонидесом». [4, т. 9, с. 481. Из письма Е.И. Рерих К. Кэмпбелл]

«27.02.1955. Мне Сказано повторить и послать Вам, любимая, следующее: “Мой Брат Л[еонидес] шлёт свою любовь и нежность. Нам так не хватает её рядом с Нами”. Поспешите! Постарайтесь, любимая, достигнуть за одну *жизнь*. Шлю Вам мою любовь и желание видеть Вас на пути великой Йоги и Архатства. Вы многое можете достигнуть. Я люблю Вас, моя родная Эльза». [4, т. 9, с. 519. Из письма Е.И. Рерих К. Кэмпбелл]

27 февраля 1950 г. Кэтрин Кемпбелл (Амрида), С.Н. Рерих и Девика Рани уехали из Калимпонга.

«28.02.1950. Вчера Катрин и Святослав с женою оставили наш Калимпонг, направились в Бомбей, на пути заедут в Дели. Очень было грустно расставаться с ними. Два с половиной месяца пролетели так быстро, и мы все жили в такой гармонии! Катрин меня радовала, и думается, что она сохранит надолго чувство радости и сердечного горения, которое осеяло её в нашем прелестном уголке. Центры её начали открываться, особенно солнечное сплетение пришло в движение, и бедняжка мучилась изрядно от этих болей, но останавливать их наркотиками невозможно, только сода и магnezия могут иногда помочь. Её организм утвердился на некотором переустройстве в силу вибраций

наших гор и из-за прикасания к энергиям Высшим, идущим от Твердыни Света. Она станет более чувствительной, ей будет труднее переносить некоторые грубости и шероховатости, неизбежные в жизни. Ей будет нужен покой и некоторая большая концентрация и изоляция...» [4, т. 8, с. 329. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

12 января 1951 г. в Калимпонг приехали С.Н. Рерих и Девика Рани (С.Н. Рерих курсировал между Калимпонгом и Бомбеем).

«21.01.1951. 12-го числа приехал Светик со своей милой женой. Конечно, для меня это большая радость, но и боль за нарушенный ритм. Светик сейчас уже снова в Бомбее, был вытребован неотложными делами. Ждём его в конце месяца». [4, т. 9, с. 9. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

В конце **января 1951 г.** в Калимпонг из Дели приехала Кэтрин Кемпбелл (Амрида). В Дели в это время находились Ингеборг Фричи и Марта Стуранс.

Фриче Гизела Ингеборг (Инге): 1899 — 25.4.1996; американская сотрудница Рерихов.

Стуранс Марта: ум. 15.6.1951; член Латвийского общества Рериха.

«18.01.1951. Инге уявлена на общем воспалении слизистых оболочек — все органы здоровы, но ярая уявилась на воспалении всех слизистых оболочек и на особом воспалении солнечн[ого] сплетения, кот[орое] оявило приоткрытие его. Вся нервная система страстно напряжена. Инге может оявиться на облегчении принятия ею посылок Свыше. Она уявится на утончении всего своего внутреннего существа, и ярая вступит на путь Йоги. Но ярая должна хранить спокойствие и оявиться на избегании малейшего раздражения. Раздражение уявит страстную боль в солнеч[ном] спл[етении] и в сердце. Но ярая Инге не будет оявлена на открытии других центров из-за ярой невозможности оявиться на высотах и настоящего там сотрудн[ичества] со Мною.

Одиллия — имя, кот[орое] Инге носила во время счастливейшей её жизни с Бр[атом] А[триа]». [1, тетрадь 229, разворот 45]

«30.01.1951. Моя любимая Инге, я была так счастлива услышать от нашей Катрин, что Вы снова начали принимать строфант. Родная, Вы не должны бояться принимать его. Вел[икий] Вл[адыка] говорит: “Я не могу послать И[нге] Наши Лучи без строфанта. Общение с Нами возможно, только если она принимает строф[ант]. Все другие лекарства вредят её сердцу и останавливают Наши Токи”. Так, родная, не прерывайте ритм благих токов. Требуется время, чтобы возобновить его...

Любимая, Космическое Право самое сокровенное, более сокровенное, чем Вы можете себе представить. Наша родная Одиллия, конечно, связана с Бр[атом] А[триа]. Она может начать новую сознательную жизнь, зная цель и сознательно стремясь к этой цели — утончению и очищению своего внутреннего существа. Родная, Вы закончили своё физическое развитие и вступили на путь духовного совершенствования. Этот путь кратчайший, и поэтому Вы должны ассимилировать Лучи Владыки и стать истинной йогиней. Астральное клише Бр[ата] А[триа] может быть показано Вам в недалёком будущем, ибо астральное клише не потрясёт Вас, но принесёт Вам великую радость.

Постарайтесь достать биографии Томаса Вогана, Парацельса и Великого Хунрата. Вы сможете найти в них интересные детали». [4, т. 9, с. 18. Из письма Е.И. Рерих Г.И. Фричи]

«20.03.1951. Скажи Марте о ярой ей лучшей странице её жизни, когда она страстно любила Моё Учение и Меня в Облике Христа. Ярая уявится на страстной радости и поймёт, почему ярая тут уявлена с тобою. [1, тетрадь 106, разворот 48]

«25.03.1951. Марта Мне Сотрудница во всех жизнях, наших с тобою. Ярая была сестрой Адж[иты]. Марта может выполнить большое задание — помочь тебе в Моей Стране.

Марта заработала своего Мужа Надземного, работая с Ним на уявлении Моего Учения. Ярая уявилась женою Моего близкого ученика. Ярый уявлен на пути Архата Полного, ибо его Тара оявилась на сознательном пути». [1, тетрадь 106, разворот 51]

21 февраля 1951 г. Кэтрин Кемпбелл (Амрида) уехала из Калимпонга в Дели, где находились Ингеборг Фричи (Гизела) и Марта Стуранс.

«26.02.1951. Катрин уехала от нас 21 февр[аля] и нашла Инге много бодрее. Инге надеется выбраться из Дели к половине марта. Думаю, что наши Гималаи оживят её, хотя немного опасаясь, как она перенесёт монсун, который в Калимпонге довольно силен. Но, конечно, близость Лучей В[еликого] Вл[адыки] и магнетизм наших гор подымут её психическую энергию». [4, т. 9, с. 20. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

В первой половине **марта 1951 г.** в Калимпонг приехали Кэтрин Кемпбелл (Амрида), Ингеборг Фричи (Гизела) и Марта Стуранс.

«11.03.1951. Завтра приезжают ещё трое американских друзей. Двоих я знаю лишь по переписке и заочному лечению одной из них. Вам будет интересен этот случай заочного лечения». [4, т. 9, с. 27. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

В середине **апреля 1951 г.** Калимпонг покинули Кэтрин Кемпбелл (Амрида), С.Н. Рерих и Девика Рани. В Калимпонге остались Ингеборг Фричи (Гизела) и Марта Стуранс.

«28.03.1951. Сейчас работаю буквально урывками. Катрин скоро уезжает, и хотелось бы напитать её как можно больше». [4, т. 9, с. 29. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

«21.04.1951. Мне совершенно необходимо было иметь хотя бы два дня для полного покоя после отъезда сына с женой, но, конечно, это оказалось невозможным...

Милая наша Инге становится крепче, но она никогда не будет в состоянии заниматься настоящей физической работой... Она прекрасная душа и заслуживает Высокого внимания. Марта тоже полна горения и сможет многое воспринять. Обе сотрудницы радуют меня». [4, т. 9, с. 33. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

15 июня 1951 г. земной план покинула Марта Стуранс.

«17.06.1951. Родной мой Светуня, чуял ли ты, какую горестную и трудную неделю переживали мы? Наша милая Мартуся оставила нас 15 июня в 7 1/2 ч. вечера — сердце её отказалось работать». [4, т. 9, с. 60. Из письма Е.И. Рерих С.Н. Рериху]

«10.10.1951. Марта... начала критиковать Мать, и ярая уявилась Мне ненужной. Её мысли оявились её приговором, и Мы уявили её на уходе. Но ярая могла остаться с тобою и Мною, но ярая уявила себе приговор мыслью и на явлении умаления Матери. И ярая утратила всё. Мы не стали спасать её и лечить, но предоставили её Карме. Ярая познала лучшую ступень, кот[орую] не смогла принять из-за самомнения и умаления Матери.

Скажи Инге о самомнении Марты и об утрате ею лучшей ступени. Ярая утратила ступень одним словом, сказанным о Матери». [1, тетрадь 108, разворот 85]

В середине **марта 1952 г.** в Калимпонг прибыли Кэтрин Кемпбелл (Амрида), С.Н. Рерих и Девика Рани.

«17.03.1952. Ояви Катр[ин] отдых в три дня. Ярая не нуждается в желчи сейчас, но только в отдыхе и сотрудничестве с Леон[идесом] и со Мною». [1, тетрадь 110, разворот 61]

«27.03.1952. Родные и любимые мои, не писала Вам из-за полной невозможности и чрезвычайной изнурённости и слабости. Кроме нового приступа страстного огненного напряжения в организме из-за усиления деятельности подземного огня, я сейчас очень устаю. Наш домик переполнен гостями и посетителями. Милые мне Катрин и Гизелочка уезжают уже в середине апреля и ловят каждую возможность побеседовать со мною, но и Святослав нуждается в отдельной беседе, так что не имею времени для [себя]. Мы с ним видимся месяца два, три в году, но сейчас он запоздал с приездом и, вероятно, не сможет остаться дольше конца апреля. Так что у меня почти нет возможности писать письма». [4, т. 9, с. 157. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

10 апреля 1952 г. из Калимпонга уехали Кэтрин Кемпбелл (Амрида) и Ингеборг Фричи (Гизела).

«11.04.1952. Вчера уехала моя милая швейцарка и с нею прелестная Катрин Кэмпбелл, о кот[орой] Вы слышали». [4, т. 9, с. 159. Из письма Е.И. Рерих В.Л. Дутко]

Между **10 и 20 мая 1952 г.** Калимпонг покинули С.Н. Рерих и Девика Рани.

«10.05.1952. Светик с женою ещё с нами, но дней через десять думают двигаться восвояси». [4, т. 9, с. 161. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

В начале **февраля 1953 г.** в Калимпонг приехали С.Н. Рерих и Девика Рани, пробыв здесь до **18 мая 1953 г.**

«25.03.1953. Сын Святослав с женою уже три недели с нами, и наш ритм нарушился, ибо их приезд привлекает и новых посетителей. Нарушение ритма нелегко, особенно во время трудных процессов в организме». [4, т. 9, с. 248. Из письма Е.И. Рерих В.Л. Дутко]

«19.05.1953. Дорогие Масик, Юша и все домашние. Ну вот, сегодня в (9.20) приедем вечером в Дели». [<https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PEIR/PEIR-338.pdf>, страница 193. Из письма С.Н. Рериха]

9 августа 1953 г. Владыка предложил Е.И. Рерих разделить её записи по сериям: А — «Центры»; В — «Мироздание»; С — «Прогнозы»; D — «Огненный Опыт»; Е — «Космическое сотрудничество и строительство».

«09.08.1954. Ярые записи раздели по сериям:
[серия] А — “Центры”;
серия В — “Мироздание”;
серия С — “Прогнозы”;
серия D — “Огненный Опыт”
и серия Е — “Космическое Сотрудничество и Строительство”». [1, тетрадь 116, разворот б]

1 марта 1954 г. в Калимпонг прибыли С.Н. Рерих и Девика Рани и покинули его около **1 июня 1954 г.**

«10.03.1954. Св[ятослав] и Девика с нами, они приехали первого марта». [4, т. 9, с. 391. Из письма Е.И. Рерих К. Кэмпбелл и Г.И. Фричи]

«08.06.1954. Светик с женою уже в Бомбее». [4, т. 9, с. 416. Из письма Е.И. Рерих З.Г. и Д. Фосдик]

14 апреля 1955 г. в Калимпонг приехал С.Н. Рерих и уехал **19 мая 1955 г.**

«01.05.1955. Моя родная и любимая Вузлянька, мы так рады, что Светик с нами, но грустно, что не видим Вас рядом с ним. Он также разделяет наши чувства, ибо сейчас он переживает, как Вы там одна в Бангалоре в это нелёгкое время». [4, т. 9, с. 531. Из письма Е.И. Рерих Д. Рани Рерих]

«19.05.1955. Родная моя Другиня, не могла писать, ибо подошла трудная полоса обстоятельств, также и приезд сына, вчера он уехал». [4, т. 9, с. 533. Из письма Е.И. Рерих В.Л. Дутко]

23 июня 1955 г. Великий Владыка предложил Е.И. Рерих закончить на книге «Мир Огненный» объединение записей Опыта с текстами Бесед, вошедших в Учение Живой Этики. Елена Ивановна выполняла эту работу в течение нескольких лет, и последними Она внесла в тетрадь описание Опыта за 10 марта 1933 года и параграф 487 из книги «Мир Огненный. Часть 1», не завершив его.

«23.06.1955. Яви спокойствие, но не являй страстной суеты. Перепиши книгу «Мир Огненный» — и яро тут всё». [1, тетрадь 281.1, разворот 20]

3 сентября 1955 г. Е.И. Рерих упала в своей комнате, сильно ударившись правой стороной тела; к этому добавились мучительные укусы ядовитых мух. Из-за истощенности сил и невозможности сосредоточиться она была вынуждена прекратить работу. Владыка потребовал полного покоя — исключить всякое напряжение.

«14.09.1955. Да, никогда так утомительно и трудно не было мне, как на этой последней ступени моего йогического процесса. Особенно тяжело было прекратить мою работу из-за истощенности сил и невозможности сосредоточиться. Великий Владыка требовал полного покоя, без всякого напряжения. Моя питуитарная железа была перегружена сообщениями, и необходимо было дать ей отдых. Но ко всему этому прибавились некоторые напасти извне — мучительные укусы крайне ядовитых мух, а две недели тому назад я упала в своей комнате и сильно зашибла правую сторону тела, опасались полома рёбер, но обошлось без увечья. Сотрясение было очень сильное, и я два дня лежала со страшной головной болью, но сейчас уже передвигаюсь, хотя мой сын все ещё опасается скрытого полома ребра, но ничего подобного нет. Но меня мучают раны от укусов ядовитых мух на ногах, но сегодня уже лучше, и, вероятно, недели через две все придёт более или менее в порядок и я понемногу примусь за работу». [4, т. 9, с. 540. Из письма Е.И. Рерих Е.П. Инге]

2 октября 1955 г. у Е.И. Рерих произошёл первый сердечный приступ.

5 октября 1955 г. в 12:30 произошёл второй сердечный приступ. В 12:45 Е.И. Рерих покинула земной план.

«24.10.1955, Калимпонг. Дорогой Друг,

Благодарю за Ваше доброе письмо от 6 октября и сочувствие в нашей великой скорби. Извините за задержку с ответом, но даже сейчас мне всё ещё трудно писать эти строки. Очень прошу Вас поблагодарить Катрин и Дедлея за их прекрасные письма. Я напишу им, но сейчас мне трудно это сделать. Св[ятослав] напишет Катрин. Он уехал в Бангалор. Ему также нелегко, но он очень меня поддержал.

С самого начала этого года здоровье Е[лены] И[вановны] нас очень беспокоило и тревожило. Перегруженное сердце заметно слабело, и этим объясняются периоды молчания. До самого последнего дня она оставалась верной самой себе и всё хотела делать сама. Она делала всё возможное, стараясь быть сильной и завершить то, что ей было Указано, но силы её уходили, и было невыносимо трудно наблюдать постепенный уход самого дорогого и любимого человека.

Третьего сентября она упала и ушибла правый бок. По мнению врачей, желудочная лихорадка была вторичной причиной, вызванной печенью. Тридцатого сентября температура упала, и мы надеялись, что начнётся выздоровление. Ночью второго октября у неё был первый сердечный приступ. Пятого октября в 12.30 случился второй, и в 12.45 того же дня Е[лены] И[вановны] не стало. Она ушла во сне.

В течение последнего года, беседуя со мной, она неоднократно намекала на возможность её ухода и высказывала пожелания в разговоре со мной, а также в долгих беседах с братом, когда он навешал нас в апреле и мае этого года. У меня также были фатальные предчувствия, о них напишу отдельно.

Тело Елены Ивановны, согласно её пожеланиям, было кремировано на вершине горы с видом на гималайские снега. Мы были очень тронуты отношением индийских властей и бурной общественной реакцией в эти печальные дни. Почти вся Азия пришла проводить Е[лену] И[вановну] в последний путь. Перед носилками с её телом проходили индийцы, китайцы, афганцы, тибетцы, монголы, непальцы, бутанцы и даже японцы. На месте кремации будет возведён монумент.

По воле Е[лены] И[вановны] в Индии будет основан специальный Попечительский Совет, в который войдут ближайшие сотрудники, для охранения, изучения, исследования и публикации её литературного наследия.

Усадьба в Гималаях, где Е[лена] И[вановна] и Н[иколай] К[онстантинович] провели 20 лет их творческой жизни, будет преобразована в Мемориальный Музей. Меры

к выполнению данной воли будут предприняты в ближайшем будущем, и мы Вас, конечно, проинформируем.

Е[лена] И[вановна] ушла в другой мир в её любимых Гималаях, и её имя навсегда останется связанным со страной Великих Снегов, Державой Света, как называл её Н[иколай] К[онстантинович]. [<https://roerich-lib.ru/yu-n-rerikh/yu-n-rerikh-pisma-tom-ii>]. Из письма Ю.Н. Рериха З.Г. Фосдик]

Источники

1. Музей Рерихов // 02-1. Е.И. Рерих — Архивные материалы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv/203-arkhivnye-materialy-e-i-rerikh>

2. «Н.К. Рерих. Великая симфония жизни» / составитель Т.В. Ларкина, книги 10, 11 — Т.В. Ларкина, Т.Ю. Водолажская — 20 книг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bog2032.ru/?page_id=2988

3. Рерих Е.И. Записи Учения Живой Этики: в 25 т. — М.: Прологъ, 2007-2013. — Тома 1 – 18.

4. Письма Е.И. Рерих: в 9 т. / гл. ред. Т.О. Книжник. — М.: Международный Центр Рерихов, 1999 – 2009. — 9 т.